

Ольга Карпович

Соперницы

Ольга Юрьевна Карпович

Соперницы

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Алена – не коренная москвичка, так себе, лимитчица, к таким даже столичные дворники неласковы. Попасть на борт престижного круизного лайнера казалось девушке большой удачей. Однако если бы в тот солнечный миг Алена знала, как изменят всю ее жизнь эти, казалось бы, короткие четырнадцать дней, то, возможно, никогда не решилась бы взойти на палубу «Михаила Лермонтова»... Любовь и страсть, предательство и смерть начинают свою игру, ставка в которой – сразу несколько человеческих судеб.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

1	7
2	15
3	23
4	35
5	45
6	58
7	73
8	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ольга Карпович

Соперницы

– Синьорина, будьте любезны, мне нужен красивый букет для юбилея.

Верткая девчонка с кожей оливкового цвета, наверняка приехавшая в Италию откуда-нибудь из Бангладеш в поисках лучшей доли, принимается суетиться между расставленными по плиточному полу громоздкими вазами, теребит самые разнообразные цветы, наполняющие спертый воздух привокзальной лавочки жирным приторным благоуханием. Я последовательно отвергаю каждый из предложенных вариантов. Ей не так-то легко угодить, ОНА не любит розы – «пошлые», презирает лилии – «фальшивые», не терпит орхидей – «траурные». В конце концов я выбираю охапку мелких, как ромашки, разноцветных хризантем и прошу перевязать их шелковой лентой.

Я выхожу из магазина, и солнце немедленно бьет мне в глаза. Невидимое за полосой низких домиков шелестит море. Еще утром я была в современном живом деятельном Риме, а теперь поезд – я специально не садилась сегодня за руль, чтобы выпить традиционный бокал ЕЕ любимого «Моет», – унес меня в солнечно-лазоревою обитель тех, кто уже устал от бешеного ритма столицы и заработал на спокойную старость у моря. Дорогие виллы, утопающие в тем-

ной виноградной зелени, частокол белоснежных мачт, мирно покачивающихся у причала, поросшие благоуханными кипарисами холмы.

Я поворачиваю налево, туда, где за высоким каменным забором прячется в зелени ухоженного сада небольшой двухэтажный белый домик – одна спальня, одна гостиная, терраса с единственным придвинутым к перилам креслом – этакая мечта занятого мизантропа, персональный рай для одиночки.

Но проникнуть сюда не так-то просто: на въезде оборудовано что-то вроде КПП, и верный смуглолицый страж придирчиво оглядывает каждого пожаловавшего, подвергает суровому осмотру, который в девяти случаях из десяти оканчивается выражением сожаления, что синьора принять гостя не может. Я чуть ли не единственная допущенная к святыне, и все равно охранник каждый раз провожает меня подозрительным взглядом – не прячу ли я под одеждой диктофон или, того хуже, фотоаппарат. Сегодняшний мой облик – светлое летнее платье чуть выше колен, ловко охватывающее фигуру, коротко остриженные волосы, темные очки и миниатюрная белая сумка – не вызывает у него нареканий. В самом деле, спрятать что-то мне просто негде, разве что запихнуть видеокамеру в букет.

Пройдя через сад, поднимаюсь на крыльцо. Волоокая горничная – единственная, испытанная временем, верная и неподкупная, просто Зоя Космодемьянская среди горнич-

ных – приветливо улыбается и сообщает, что «настроение у НЕЕ сегодня ничего, спокойное». И я невольно усмехаюсь – во все времена перепады ЕЕ настроения вселяли священный страх в души домашнего персонала. Поблагодарив девушку, которая старательно обрабатывает немаленькую зарплату, я прохожу через прохладный холл напрямиком на залитую солнцем террасу и, прищурившись от пляшущих по натертому полу солнечных зайчиков света, ищу глазами ЕЕ.

Конечно же, в кресле. Приближаясь, отмечаю невольно, как жаль, что ОНА ушла со сцены, могла бы выходить в «Пиковой даме» почти без грима – величественная старуха с удивительно прямой спиной, вековой выправкой несгибаемых плеч и быстрыми живыми глазами на застывшем пергаментном лице. ОНА еще не видит меня, смотрит куда-то в сад. Я иду к НЕЙ, бережно прижимая к груди цветы, вижу, как солнце играет на ее гладких, совсем белых теперь, забранных в тугой узел на затылке волосах, чувствую на лице дуновение пахнувшего водой свежего ветра – и вдруг проваливаюсь, откатываюсь на пятнадцать лет назад. Вспоминаю, как впервые увидела ЕЕ, темноволосую, энергичную, непоколебимо уверенную в собственной силе и красоте женщину. Увидела там, на причале, куда я, нищая и тем более жадная до жизни двадцатилетняя студентка, заявила с тощей спортивной сумкой на плече, уверенная, что вытащила счастливый билет.

1

На пристани нестройно взвыли золоченые трубы оркестра, тревожно и гулко ударил барабан. Взбесившийся ветер рванул разноцветные флаги на здании речного вокзала. Я плотнее запахнула на груди джинсовку и заспешила к стоявшему у причала длинному белому теплоходу. За спиной гудела Москва – огромный, никогда не засыпающий муравейник, с которым я успела уже сродниться за несколько институтских общажных лет: широкие проспекты, запруженные людьми площади, сохранившиеся с восемнадцатого века тихие деревянные особнячки, которые запросто соседствуют с бетонными высотками, памятники, автомобили, универмаги. Все это оставалось позади, впереди же меня ждали свежий речной простор, живописные среднерусские пейзажи и провинциальные городки.

Яркое майское солнце расколосось на тысячу осколков, задрожавших в окнах корабля. Краснолицый, лоснящийся от осознания собственной важности стюард в форменной livree размашистым жестом откинул темно-красный бархатный канатик, перекрывавший вход на широкий трап, и на борт корабля бурным потоком хлынула толпа.

Вглядевшись в поднимавшихся по трапу пассажиров, я поняла, что зря неслась сломя голову от метро. Посадка только что началась, и первыми на борт, конечно, взби-

рались разношерстные представители современного российского бомонда. До нас, простых смертных, очередь должна прийти еще не скоро. Ладно, раз уж я прискакала в такую рань, приобщусь, пожалуй, к прекрасному и полюбуюсь компанией, с которой предстоит коротать ближайшие две недели. Тем более что Ленка, соседка по комнате в общежитии, напутствовала меня так: «Аленка, ты клювом-то не щелкай! Там такие папики соберутся – если кого подцепишь, в полном шоколаде будешь до конца жизни».

Я отошла чуть в сторону от трапа, извлекла из кармана пачку красного «Мальборо» – специально разжилась перед поездкой, не позориться же перед потенциальным папиком «Явой», и собралась наблюдать за происходящим. Отступив на шаг, едва не толкнула высокую темноволосую женщину в элегантном брючном костюме. Скромный наряд мадам, по виду иностранки, резко контрастировал с кричащими одеяниями других счастливых гостей теплохода «Михаил Лермонтов», но стоил наверняка раза в четыре дороже любой расшитой стеклярусом тряпки. Я извинилась, и иностранка, уставившись на меня темными стеклами очков, надменно повела плечами с видом герцогини в изгнании. «Пафосная стерва», – мигом определила я и отвернулась, не желая пропускать начинавшееся шоу.

Внушительно проследовал по лестнице известный политик Баренцев, выставив в стороны мощные локти, словно демонстрируя столпившимся зевакам, которые не удосто-

ились чести совершать речную прогулку на белоснежном стремительном корабле, что ни в коем случае не позволит им приблизиться к собственной царственной персоне. За ним, заносчиво выставив вперед бульдожью челюсть, семенила пожилая супруга в модной шляпке, надвинутой на редкие выцветшие локоны. Чуть наклонившись вперед и воровато оглядываясь по старой привычке, поднялся по ступеням бизнесмен Черкасов, еще недавно именовавшийся в определенных кругах Ванькой-Лепилой, теперь же, в условиях зарождающегося в стране капитализма, оказавшийся вдруг в числе самых почетных членов общества. Стюард, забывшись на мгновение, во все глаза уставился на протягивавшую ему десятидолларовую купюру руку важного пассажира, короткопалую, жилистую, расписанную синими куполами, затем, овладев собой, осклабился и благодарно принял щедрые чаевые. Проплыла, расточая улыбки и помахивая провожающим наманикюренной лапкой, знаменитая телеведущая в слишком открытом, слишком летнем для прохладной весны платье.

Стюард часто кланялся и услужливо показывал пассажирам первого класса только что отремонтированного, благоухающего свежим деревом и лаком теплохода «Михаил Лермонтов», как добраться до бронированных кают.

Справа и слева от меня то и дело мигали вспышки. Широко разрекламированный круиз по Волге в ставшем почему-то удивительно модным в новой России псевдорусском

стиле должен был начаться через час, и журналисты спешили запечатлеть поднимавшихся на корабль хозяев жизни.

В мутной стальной воде плескались опрокинутые рваные облака, подернутые мелкой рябью. У края причала вдруг вскипела волна и брызнула на замшевые туфли надменной иностранки. Женщина отступила на шаг и, обернувшись, коротко сказала по-итальянски:

– Пойдем, дорогой!

Только тут я заметила, что за спиной мадамы маячил долговязый парень в полосатой футболке. Юноша был очень даже ничего – на вид чуть младше меня, лет восемнадцать-двадцать, подвижный и гибкий. Беспечный взгляд зеленоватых широко-распахнутых глаз, высокие скулы, четкая линия рта и копна каштановых, отливающих на солнце медью кудрей. «А синьора не промах, – сообразила я. – Какого мальчишечку отхватила себе в сопровождение! И пылу-то хватает еще на молодых любовников, ей же ведь крепко за сорок, сразу видно, сколько там не отваливай пластическим хирургам».

Неопознанная туристка меж тем шагнула на трап к уже поджидавшему ее швейцару, скользнула изящной ладонью по отполированным перилам. Я же так загляделась ей вслед, прикидывая, уж не моя ли это будущая подопечная, что не заметила, как уронила перчатку. Зато это немедленно усек ангелоподобный альфонс и кинулся на помощь. Не в меру вежливый красавец подобрал с асфальта кожзамовую рванину и любезно протянул мне ее на глазах у всей толпы.

Усатый корреспондент рядом мерзко захихикал. Я рявкнула:

– Спасибо!

И постаралась побыстрее затолкать позорную перчатку в карман.

– Не за что, – неожиданно ответил юноша по-русски, хотя и с заметным акцентом.

Вот оно что, мы шарим по-русски! Синьора предпочитает образованных альфонсов...

– Вам тоже на корабль? – не отставал вежливый итальянец.

– Ну допустим.

На нас уже начали глазеть, а неумный парень вдруг вцепился в мою сумку, тоже, надо сказать, далеко не новую, и стал взваливать ее на плечо.

– Давайте я помогу.

– Да не надо мне! Вот пристал! – я отбивалась, как могла.

Парень же так и вцепился в ручку, продолжая при этом приветливо улыбаться.

– Почему, девушка? Я просто хочу помочь...

Итальянка растерянно обернулась уже с самого верха трапа и с привычной строгой интонацией позвала:

– Эдоардо!

Я же, изловчившись, выдернула сумку из рук настойчивого Эдоардо и буркнула:

– Дуй давай! Труба зовет!

– Что? – оторопело захлопал прямыми угольно-черными

ресницами парень. – Я не понимаю...

Итальянка снова позвала его, и мальчишка наконец побрел к трапу. Не успели они скрыться на борту, как толпа на причале забурлила, загудела, услужливо расступилась, и у трапа возник сам хозяин всей этой канители Анатолий Маркович Голубчик, крупный породистый мужик лет пятидесяти с гаком. Внушительная фигура, лицо римского патриция – резкое, властное, с прямым носом и выдающимся вперед квадратным подбородком, красиво осыпанные сединой волосы, особый, не местный, лоск.

Да, хозяин «заводов, газет, пароходов» определенно был хорош собой. Если уж и впрямь заниматься отбором кандидатур на роль папика, его бы я внесла в список в первую очередь. По слухам, Голубчик сколотил все свое баснословное состояние за игровым столом и принадлежал к игрокам высшей лиги, способным, не меняясь в лице и продолжая дружелюбно улыбаться, грациозно и с каким-то высшим упоением за вечер оставить партнера без штанов. Впрочем, говорят, все крупные современные состояния нажиты нечестным путем.

Анатолий Маркович прошествовал к теплоходу и вдруг затормозил, увидев меня. Отодвинув плечом журнал, он направился прямо ко мне:

– Здравствуйте, Алена! Вы почему на борт не поднимаетесь? Пойдемте, провожу!

Окружающие морды, еще минуту назад, во время перфор-

манса с драной перчаткой, ехидно скалившиеся, теперь уважительно вытянулись. Я обольстительно улыбнулась, протянула Голубчику ладонь, и мы, являя собой несомненно красивую пару, под руку ступили на трап. Идти с ним рядом было чертовски приятно. Под мягкой тканью дорогого пиджака ощущались твердые мускулы предплечья, от его крупной фигуры веяло силой и скрытой опасностью, запах дорогого одеколona приятно щекотал ноздри.

Поднимаясь по ступенькам, я отработывала взгляд, исполненный сознания собственного превосходства, которым награжу охреневшего от приближенности к мировому капиталу швейцара. Мужик-то не знает, что меня с Голубчиком связывают вовсе не любовные и даже не родственные, а вполне себе деловые отношения. Мы и знакомы-то всего ничего. Пару недель назад он прислал кого-то к нам в иняз – мы и не знали, что наш замшелый декан водит знакомства с такими людьми, а они оказались чуть ли не одноклассники, – с просьбой порекомендовать ему отличницу-комсомолку-спортсменку. Ему, понимаете ли, нужно нанять на две недели девушку личным ассистентом к иностранному гостю. Декан, ясное дело, порекомендовал меня с моей пятерочной зачеткой. Однокурсницы тут же принялись морщить носы и шептаться, что Бояринцеву в личные подстилки к иностранцу записали, однако, когда выяснилось, что этот самый голубчиковский почетный гость – женщина, им пришлось прикусить языки.

И вот теперь я, счастливая обладательница двухнедельного контракта на головокружительную сумму в полторы тысячи долларов, рука об руку с обаятельным хозяином жизни поднималась на борт его собственного теплохода. Уже на ступеньках невольно обернулась, услышав позади резкий, сильный, легко перекрывающий гудение толпы женский голос:

– Сказано тебе было, мы входим с боковой лестницы, что ты тут отираешься? Сейчас отправляемся, я чуть шею не свернула, тебя выглядывая.

Где-то внизу, в толпе, дородная немолодая тетка с покатыми полными плечами и уложенной вокруг головы пышной короной золотисто-русых волос пилила сопровождавшего ее высокого худого мужчину с тонким болезненным лицом.

Впрочем, теперь мне уже не следовало обращать внимание на толпу, я вознеслась над ней благодаря твердой ладони Голубчика, служившей пропуском в высший свет. Теперь и передо мной склонялся стюард, открывались отделанные золотом, глянцево блестящие двери, и для меня дребезжал старенький оркестр. Я примкнула к числу избранных.

2

Предупредительность мальчишки в белой форменной ту-
журке, тащившего мою сумку, закончилась ровно у лестни-
цы, ведущей на самый нижний этаж, то есть в отделение кают
третьего класса. Изысканные манеры и почтительная вежли-
вость, которую он рьяно демонстрировал пассажирке, вве-
денной на борт самим Голубчиком, слетели с него в мгно-
вение ока, губы скривились, даже походка стала какой-то
развинченной. Он, морща нос, прошествовал по коридору,
толкнул ногой дверь, проворчав: «Пришли, что ли?», бросил
сумку на пол и вышел, не дожидаясь ответа.

Каюта была маленькой, узкой и длинной и походила на пе-
нал Раскольниковова. На вытяжке администрация, видимо,
экономила, и обитатели нижней палубы могли без труда
определить по запаху, каким будет сегодня фирменное блю-
до в ресторане наверху. Наверняка этими райскими усло-
виями я обязана пронырливому сучонку-секретарю, которо-
му Голубчик поручил уладить вопрос о моем размещении.
Ушлый парень срубил, должно быть, лишнюю сотню баксов,
в отчетности написав, что поселил меня во втором классе.

Я с размаху плюхнулась на застеленную узкую полку –
мое ложе на время круиза. Настроение резко испортилось.
Шикарная поездка – предмет зависти однокурсниц – вдруг
показалась тягостной каторгой. Теперь две недели моты-

ляться по этому гребаному кораблю, ни в одно кафе не зайдешь – даже на чашку кофе денег не хватит, и любоваться на всех этих хмырей с толстыми кошельками и их обнаглевших баб, да еще терпеть презрительные гримасы обслуги. Еще неизвестно, к тому же, каким там фруктом окажется почетная гостя Голубчика, к которой меня приставят бесплатным приложением. Впрочем, не бесплатным, конечно. По итогам путешествия мне нехило заплатят, надо почаще себе об этом напоминать. Да и кто знает, как сложится жизнь, может, я так замечательно себя проявлю, что Голубчик возьмет меня куда-нибудь на постоянную работу. Или действительно отыщется тут щедрый и не слишком омерзительный кавалер. А что? Разве хуже я любой из этих разряженных блядей? А может быть, сам Анатолий Маркович? Чем черт не шутит?

Я подошла к зеркалу и придирчиво всмотрелась в собственное отражение. Фигурой уж точно бог не обидел, девяносто-шестьдесят-девяносто, все как надо. Глаза... Нормальные глаза, довольно большие, и цвет необычный – фиалковый, как у Элизабет Тейлор. Нос небольшой, губы вот подкачали – пухлые какие-то, впрочем, говорят, это признак страстного темперамента... Я откинула голову, плавно перебрасывая длинные русые волосы с плеча на плечо. Эффектно, ага. Особенно если на открытом воздухе, да в солнечном свете, чтобы пряди заиграли разными оттенками. Ну, хороша, хороша, еще одеться б получше...

Выше нос, Алена Игоревна, кукусься некогда, ты у себя одна. Мамочка, бедная, умерла от рака полтора года назад, а папуля, бухающий без просыху с новой сожительницей в родном Кирове, не в счет. Заботиться о тебе некому, так что дерзай, дорогая, а там еще посмотрим, кто перед кем понты кидать будет.

Из соседней каюты раздались голоса. Слышимость в этом клоповнике оказалась превосходная, будто невидимые собеседники разговаривали ровно за моей спиной.

– Скоты! – гневно бурлила женщина. – Я не могу работать в таких условиях. Я им не прачка и не горничная, мне нужен воздух. От этого угара у меня сядет голос. Пусть тогда Голубчик сам выступает.

– Наташа, ну выйди на палубу подыши, что ты нервничаешь? – сипло отозвался ее собеседник.

– Подыши? – вскинулась тетка. – Прекрасно! Спасибо за ценный совет! Помощи от тебя как от козла молока.

– А что я, по-твоему, должен сделать?

– Что? Действительно – что? Экая задача! Скажем, пойти к управляющему, потребовать, чтобы нас переселили в другую каюту. Кулаком по столу стукнуть, наконец!

– Какое право я имею что-то у него требовать? Я здесь никто...

– Ты всю жизнь никто! – радостно констатировала моя соседка. – Никто, ничто и звать никак.

По грудному поставленному голосу я догадалась, что это

та самая толстая хабалка, что отчитывала нерасторопного мужа, затерявшегося в толпе перед отплытием теплохода. Супер! Еще и с соседями повезло, всю дорогу слушать их перепалки. Неплохо бы отомстить им как-нибудь ночью страстными стонами, но это вряд ли. Я девушка одинокая, скромная, в свой пенал никого не приведу. А если уж подыщется кто достойный, пускай на свою территорию приглашает, заодно и проверим, не притаилась ли там законная супруга.

Концерт за стенкой меж тем продолжался.

– Ой, да что с тобой говорить, застегни лучше, – буркнула тетка. – Аккуратней, не дергай. Порвешь платье, на какие шиши я новое куплю? Ты, что ли, сподобишься и заработаешь что-нибудь?

– Что ты хочешь от меня? – вскипел наконец долготерпеливый муженек. – Я делаю все, что могу. Я всю жизнь проработал театральным художником, и пятнадцать лет тебя это устраивало. Пойми, я не виноват, что ситуация в стране изменилась и моя специальность теперь не востребована... Хочешь, чтобы я все бросил и пошел вышибалой в ночной клуб? Так меня не возьмут...

– Я тоже не виновата, что мне кушать хочется иногда, – парировала она. – Я почему-то могу крутиться, вертеться, как вор на ярмарке, там подработать, здесь подсуетиться... А ты слишком гордый у нас, чтобы задницу от дивана оторвать, аристократ долбаный!

Под аккомпанемент семейных дразг я облачилась в един-

ственное имевшееся в наличии приличное платье – черное, трикотажное, выгодно подчеркивающее фигуру, – расчесала волосы, тронула тушью ресницы. Знакомство с будущей начальницей, по словам Голубчика, должно состояться вечером в ресторане, и я, не без оснований полагая, что это будет мой единственный званый ужин за всю поездку, подготовилась как следует. Время еще оставалось, и я решила прогуляться по палубе, полюбоваться обещанными в программе круиза «живописными российскими просторами» и заодно выветрить из волос прогорклый кухонный запах.

В коридоре я столкнулась с сердитой бабой, как раз выходящей из соседнего пенала. Теперь ее увесистая фигура была помещена в расшитый бисером и пайетками сусально-народный сарафан, а пшеничные косы венчало что-то вроде кокошника. Заманчиво предположить, что соседская парочка на досуге предается сексуальным игрищам с переодеваниями, но я быстро сообразила, что тетка, должно быть, одна из артисток разрекламированной ресторанной шоу-программы.

* * *

Справа и слева, отделенные от борта корабля широкими полосами воды, медленно плыли обратно в Москву покрытые первой весенней зеленью и желтыми головками мать-и-мачехи берега. Дымили заводскими трубами небольшие

городки, мелькали приземистые покосившиеся деревенские домики за обветшалыми изгородями. Небо постепенно наливалось густо-сиреневым цветом. Выше, на прогулочных палубах, мерцали огни, и по воде заструились размытые дрожащие световые дорожки. Мимо меня прошествовали вперевалку два упитанных мужичка, неизвестно как попавшие в зону персонала. Один, бритоголовый, в широком двубортном пиджаке, рассказывал что-то второму – громко, развязно, пересыпая речь матерными прибаутками. Второй похотывал, откидывая голову, отчего короткая золотая цепь впивалась в мясистую шею.

Я остановилась у перил и вытащила сигарету.

– Привет! – поздоровался кто-то сзади.

Обернувшись, я увидела того самого парня, что сопровождал на причале итальянку. Ну и глазищи же у чувака, утонуть можно!

– Привет, – отозвалась я. – У тебя что, увольнительная на вечер?

– Что? – переспросил он.

– Госпожа отпустила проветриться?

– Я тебя не понимаю. Странно, вообще-то я русский знаю хорошо...

– Забей, – со смешком отмахнулась я и, увидев, что его недоумение только усугубилось, пояснила: – Не бери в голову, забудь.

– Я хотел... – начал он. – Я тебя чем-то обидел на приста-

ни? Ты рассердилась. Извини, пожалуйста.

– Да брось. Просто я была не в настроении.

– А почему? Ведь ты же едешь отдыхать.

– Э, нет, я еду работать. Обслуживать какую-то гримзу.

Впрочем, как и ты.

Это было забавно – подкалывать его, понимая, что глубина злых шуточек ему недоступна. Парень, кажется, уже смирился с тем, что не понимает половины моих реплик, и перестал обращать на это внимание.

– Меня Эд зовут, Эдоардо. А тебя?

– Алена.

Я швырнула окурок в убегающую из-под борта воду и протянула Эду руку. Тот подхватил ладонь и быстро поднес к губам. Его горячее дыхание опалило кожу, и я отчего-то вздрогнула. И тут же рассмеялась и выдернула руку.

– Дружок, ты не по адресу. У меня на такую красоту денег не хватит.

Он снова, кажется, ничего не понял и уставился на меня своими чайно-изумрудными глазами. Речной ветер играл медным вихром над его лбом. Мальчишка был прямо-таки воплощенная юность и невинность, так и не скажешь, что жиголо. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь, мне неприятности с богатыми самодурками не нужны.

Эд протянул:

– Ты такая... необычная... интересная... И знаешь, ты похожа на одну актрису. На Мэг Райан!

– Да ну, – хохотнула я. – Ты тоже ничего, прямо-таки статуя Давида.

Он взглянул на часы – «Радо», успела отметить я, – поморщился с досадой.

– Половина девятого. Черт! Мне нужно идти.

– Половина девятого? Потрясающее совпадение, и мне нужно идти!

– А тебе куда? – заинтересовался он.

– В ресторан на нижней палубе. Меня там ждут...

– «Волжские просторы», – радостно подхватил он. – И мне туда же! Здорово! Тогда я смогу тебя проводить.

– А синьора не заругает, если увидит нас вместе?

Он потер пальцем переносицу.

– Не думаю. Почему она должна ругаться?

– Свободных нравов, значит? – усмехнулась я. – Ну смотри, если что, я прикинусь веником, мол, я тебя знать не знаю.

– Веником? – снова вылупился он. – Это... Чем подметают?

Я расхохоталась:

– Блин! Какой же ты смешной, сил нет! Ладно, пошли, а то опоздаем.

Он церемонно взял меня под руку, притиснув локоть к горячему – даже сквозь футболку чувствовался жар – подтянутому торсу, и мы прошеествовали к лестнице наверх. Два сапога пара – юный альфонс и охотница на подходящего папика.

3

Золоченые двери распахнулись, и мы попали в просторный зал, ослеплявший сиянием хрустальных плафонов под потолком, натертым паркетом и лакированными деревянными стенными панелями, которые украшали черно-красно-золотые росписи под хохлому. Вокруг столиков сновали официанты в косоворотках и официантки в сарафанах до полу. Я невольно покосилась на их ноги – не в лаптях ли барышни для большей аутентичности, – но нет, в области ступней фольклор заканчивался, уступая место современным шпилькам.

– Ты чего остановилась? – спросил Эд. – Любуешься... обстановкой?

– Шутишь? Да я отсюда не вылезаю, – фыркнула я. – Ладно, пока, меня вон уже ждут.

Я увидела за одним из дальних столиков римский профиль Голубчика и обтянутое темно-бордовым шелком плечо его спутницы, невидимой из-за выглаженной спины как раз склонившегося над столом официанта. Я направилась к ним, официант отступил чуть в сторону, и Эд, все еще маячивший за спиной, удивленно произнес:

– О, да нам, кажется, снова вместе.

И верно, теперь и я узнала в соседке Анатолия Марковича ту надменную иностранку с пристани. Сейчас я смогла раз-

глядеть ее лучше – темно-каштановые, тяжелые и блестящие волосы обрамляли властное лицо, очень ухоженное, гладкое и все же тронутое сетью мелких морщин в уголках глаз и у рта. Живые цепкие ее глаза, черные и быстрые, с какой-то цыганской сумасшедшинкой, смотрели на собеседника прямо и без улыбки – синьора явно не утруждала себя изображением доброжелательности или любезности. Плавные мягкие движения, в грации которых было что-то от матерой хищной кошки, и умело подобранное платье скрадывали некоторую полноту. При искусственном свете старой гримзе можно дать и тридцать пять.

Переведя взгляд на Голубчика, я сразу же осознала тщетность своих девичьих мечтаний о привлекательном моложавом миллионере. Тут невооруженным глазом видно, кто из присутствующих дам и в самом деле представляет для него интерес. Он не то чтобы пожирал глазами итальянку, нет, наоборот, сидел откинувшись в кресле с равнодушно-доброжелательным видом, только вот видно было, как изпод тяжелых полуопущенных век он ловит каждое малейшее ее движение, каждый поворот головы, чтобы предупредить, предвосхитить любое ее неудовольствие или желание.

«И отчего это порядочные мужики вечно западают на каких-то престарелых стерв!» – с досадой подумала я, в то же время цепляя на лицо открытую приветственную улыбку.

Пафосная карга между тем, не повышая голоса, отчитывала мальчишку-официанта:

– Молодой человек, вы напрасно храните вино в холодильнике. Это ошибка. Вино следует подавать комнатной температуры.

На беднягу жалко было смотреть, он кряхтел и бледнел под уничтожающим взглядом Голубчика. Тот же, тронув запястье гостьи своей широкой, по-мужски красивой ладонью, проговорил:

– Извини, друг мой, сегодня придется ужинать здесь. Лучший ресторан, на верхней палубе, откроется только завтра.

– Ерунда, – милостиво улыбнулась она, продемонстрировав нехилое знание русского языка и ряд белоснежных зубов.

Что-то я совсем уже перестала понимать, для какой такой иностранки меня сюда пригласили.

– Добрый вечер! – гаркнула я, чтобы привлечь наконец внимание занятых друг другом небожителей к своей скромной персоне.

– Привет, мам. Здравствуйте, Анатолий! – заговорил вслед за мной Эд.

Он галантно выдвинул для меня стул, сам же быстро и совсем непочтительно чмокнул надутую герцогиню в щеку и плюхнулся рядом. «Мам? – соображала я. – Так он, выходит, никакой и не жиголо, а просто мажор, богатенький сынок. Что за дура, такого кадра чуть не отшила!»

– Здравствуйте, Алена! – ответил Голубчик. – Света, познакомься, вот девушка, которую я для тебя нашел. Алена, это мой старый друг и к тому же знаменитая артистка...

– Обойдемся без регалий, – оборвала его собеседница. – Просто Стефания.

Она протянула мне красивую белую руку, унизанную кольцами. Одно из них – тяжелое, старинное, из потемневшего серебра, с крупным темным гранатом – зажглось в свете ламп мрачноватым багряным огнем.

– Алена, Толя мне рассказал, что вы учитесь в инязе и хорошо владеете языками...

– Французский и итальянский, – подтвердила я. – Английский на базовом уровне.

– Это прекрасно! – кивнула Стефания.

«Рада стараться», – чуть было не отрапортовала я. Бог знает отчего эта напыщенная старуха так меня раздражала.

– Дело вот в чем, – продолжала она. – Как Анатолий вам уже объяснил, я певица, классическая опера. Родилась в СССР, но давно живу за границей и выступаю в основном в Европе. Выступаю, страшно сказать, сколько лет... Словом, одно известное издательство предложило мне напечатать книгу о творческом пути. Что-то вроде мемуаров, – тонко улыбнулась она, вероятно, ожидая, что кто-нибудь запротестует – мол, какие мемуары в вашем юном возрасте.

Однако Голубчик в этот момент увлеченно обсуждал с Эдом что-то в меню, от меня же она могла ждать комплиментов хоть до завтра, я нанималась в личные ассистенты, а не в лизоблюды.

– За столько лет, конечно, накопилось огромное количе-

ство материала для книги – мои собственные воспоминания, статьи, рецензии, отзывы зрителей, – продолжила она, так и не потешив свое тщеславие. – Только времени со всем этим разбираться нет. Сейчас у меня двухнедельный отдых, я привезла с собой целый чемодан бумаг, в основном на итальянском, и мне нужен человек, который смог бы за это время их разобрать, рассортировать, отобрать нужное и составить план, по которому будет строиться книга. Как вы полагаете, справитесь?

– Конечно. Отчего бы не справиться, – заверила я с самым убедительным видом.

– Что касается оплаты вашего труда... – начала было Стефания, но Голубчик перебил ее:

– Этот вопрос я сам уладил с Аленой.

Синьора гневно повела бровями и возмущенно зарокотала:

– Сколько раз я просила тебя не вмешиваться в мои финансовые дела. Пойми, ты ставишь меня в неудобное положение. Уж поверь, мне вполне хватает средств на то, чтобы самостоятельно платить персоналу.

Персоналу, значит. Другими словами, обслуге. Вот за кого меня тут считают. Как еще за один столик сесть не побрезговали. Усилием воли я подавила готовые сорваться с языка резкие слова. Ничего, ваше благородие, мы еще посмотрим, как вы потом запоете. Я, изловчившись, вытянула под столом ногу и легко коснулась кончиками пальцев лодыжки Эда.

Тот дернулся, покраснел и быстро взглянул на меня. Я же в ответ на его взгляд чуть приопустила ресницы и скромно улыбнулась. Вот будет удар для пафосной мамыши, если ее наследничек по уши втрескается в прислугу.

– Мне просто приятно было подготовить все к твоему приезду. Я совершенно не собираюсь мериться с тобой толщиной кошелька, – ласково заверил собеседницу Голубчик. – Тем более что, надеюсь, вскоре это окончательно потеряет всякий смысл.

– Что ты имеешь в виду? – насторожилась Стефания.

– Я тебе позже объясню, хорошо? Сейчас, наверно, лучше закончить все дела с Аленой.

«И выпроводить ее с нашего великосветского ужина», – мрачно закончила я про себя. Дерзайте, господа, что-то мне подсказывает, что за этим столом найдется человек, который будет настаивать на моем участии в продолжении банкета.

– Да, конечно, – кивнула Стефания.

Стефания-Светлана протянула мне вместительный черный саквояж, все это время лежавший на одном из стульев. Пухлая сумка явно была старой, потертой, с местами потрескавшейся кожей.

– Я взяла все, что попало под руку. В этой сумке я хранила газетные вырезки и журнальные рецензии еще в самом начале карьеры. Думаю, по ним можно составить представление о первых годах моей жизни за границей. Давайте начнем с этого, остальной материал я предоставлю вам позже,

он у меня в каюте.

Я приняла из ее рук саквояж, щелкнула металлическим замком. Под пальцами зашелестела старая бумага. Я двумя пальцами наугад выудила какой-то красочно иллюстрированный журнал, вроде бы французский. Певица кивнула:

– Да, припоминаю, здесь, кажется, была статья о постановке «Паяцев». Или «Риголетто»... Я много лет не заглядывала в этот саквояж. Придется вам как-нибудь самой со всем разобраться.

– Я справлюсь, не сомневайтесь, – кивнула я. – Но почему вы хотите начать сразу с эмиграции? Обычно мемуары начинают с детства. Первые впечатления, семья, выбор профессии, учеба... Наверное, о вашей жизни в Союзе тоже стоило бы упомянуть.

Кажется, я, сама того не понимая, произнесла какие-то запретные слова. Лицо синьоры мгновенно закрылось, захлопнулось, словно шкатулка с секретом, стало черствым и надменным. Глаза сделались пустыми и плоскими, как у барракуды, губы сжались в тонкую нить. Голубчик, немедленно ощутивший перемену настроения своей чаровницы, тронул ее запястье и открыл уже рот, собираясь как-то сгладить неловкость, как вдруг в разговор вмешался Эд:

– В самом деле, мам! Почему ты так не любишь говорить про свою жизнь в России? Даже мне не рассказываешь, а я почти ничего не помню. Только кусочек окна, из которого страшно дует. И еще почему-то есть очень хочется...

– Воспоминаниями о жизни в России я займусь самостоятельно, – отрезала наконец Стефания. – Эд, милый, ты не мог бы принести мне из каюты сумочку? Кажется, я забыла ее на столике. Пожалуйста!

Она настойчиво посмотрела на сына, и тот понуро поднялся из-за стола и, бросив на меня короткий взгляд, заверил:

– Я мигом. Сейчас вернусь.

Юноша ускакал, и Голубчик тут же ухватил Стефанию под локоток, заявив:

– Вот что, Свет, пойдем прогуляемся на террасу, пока не принесли горячее. Мне как раз нужно сказать тебе пару слов. Алена, извините нас, мы ненадолго.

Опершись на его руку – уж я-то знала, до чего это бывает приятно, – синьора проплыла на тускло освещенную разноцветными лампочками террасу. Я же, оставшись за столом одна, не нашла себе другого развлечения, кроме как покопаться во врученном мне саквояже. Старые газеты пахли пылью и лежалой бумагой. У многих журналов намертво склеились глянцевые страницы. Временами попадались тетрадные странички с короткими записями от руки: «19.09.1986. «Травиата» в Ла Скала. В президентской ложе был Бентино Кракси. После выступления прислал мне корзину белых роз».

Ни фига себе! Премьер-министр! Я продолжала лениво шарить по сумке и вдруг нащупала какой-то твердый прямо-

угольный предмет за подкладкой. Интересно, интересно, посмотрим. На глазах у изумленных официантов я почти нырнула головой в разверстую пасть саквояжа, отыскивая потайную «молнию». Угу, вот и она, родимая. Что у нас здесь? Может, забытый футляр с фамильными драгоценностями?

Однако во внутреннем кармане сумки оказалась всего лишь общая тетрадь в темном клеенчатом переплете, совершенно обычная – я сама в таких сто раз писала конспекты, – только очень уж старая, еще старее, чем остальной бумажный хлам. Страницы с побледневшими, почти стершимися клетками исписаны быстрым размашистым почерком. Я открыла тетрадь наугад и прочла:

Мне душно. Жесткий корсаж сценического костюма давит грудь, нечем дышать. Я судорожно дергаю золотистую тафту, мелкие металлические застёжки царапают пальцы. На виски давит изнутри невыносимая тяжесть, кажется, если я услышу от этого человека еще одно слово, голова лопнет, расколется на куски.

В тесной, пропахшей театральным гримом и нафталином гримерной полутемно. Лишь маленькая лампа над зеркалом тускло мерцает. Развешанные на рейке под потолком платья шуршат и качаются в темноте, словно ожившие призраки. По стенам мечутся злоеющие тени. Полумрак отликает багрянцем и темным золотом.

– Я даже рад, что ты узнала! Чего рыдаешь,

актриса? Чего ты добиваешься? По-твоему, мы сможем жить втроем?

Я отворачиваюсь, отхожу к стене, подолы развешанных платьев гладят меня по волосам, скользят по лицу. Я больше не понимаю, не хочу понимать, что он говорит. Этот голос – низкий, хриловатый, я знаю каждую его интонацию, каждый вздох и каждую паузу. Я помню, как этот голос шепчет, задыхаясь от страсти, как он смеется, как сипит, устав от многочасовых споров. Но до сих пор я не слышала в нем такой издевательской жесткости. Это просто невыносимо. Я не знаю, что делать, как прекратить эту раздирающую меня изнутри боль. Каждое его слово бьет меня под дых, хочется свернуться, скорчиться на полу, прикрыв руками голову. Я больше не могу бороться, возражать, я просто хочу, чтобы все это кончилось, чтобы я очнулась от проклятого горячечного кошмара.

Обернувшись, я вижу его обезображенную черную тень на стене. Тень взмахивает длинными, как плети, руками, откидывает громадную голову. Но ведь это не он. Я знаю его, он порывистый и великодушный, он красивый и родной, он не терпит грубости и пошлости, у него гибкое легкое тело и ласковые глаза. Это не он, не он, он никогда не ненавидел меня.

Этого черного, страшного призрака я не знаю. Я боюсь его и ненавижу, ненавижу какой-то утробной животной ненавистью. Это она кипит у меня внутри, клокочет, тесня дыхание. Что же ты смеешься надо

мной, черный человек? Это ты, я знаю, это ты вот уже полчаса читаешь мне смертный приговор, он бы никогда так не смог. Проклятое кладбищенское чудовище, душу высасывающий морок! Я справлюсь с тобой, не возьмешь!

Рука моя, словно помимо воли, шарит по низкому маленькому столу, на котором костюмер разложила реквизит для завтрашнего представления. Пальцы натываются на забытые среди деталей костюма портновские ножницы, вцепляются в них, словно в единственное спасение в этом тошнотворном, туманящем глаза мире. Массивное тяжелое острие со змеиным свистом скользит по тонкому полотну. Я двигаюсь на голос, почти ничего не различая в мутной полумгле. Он пульсирует у меня в голове, манит меня.

– И потом... Ты просто надоела мне.

– Но как... как ты мог так быстро разлюбить меня?

– Ну, – привидение усмехается, тонкие страшные руки-плети на стене описывают волнообразную дугу, – значит, я вот такой вот влюбчивый...

Его голос темным набатом гудит в висках, заполняя собой все пространство, и я в мучительной попытке избавиться от него точным, сто раз отрепетированным движением коротко бью снизу вверх под ребро. Тяжелый заточенный предмет мягко входит в тугую плоть и с глухим стоном ударяется о подреберную кость, на пальцы мне брызжет что-то теплое. Наступает тишина.

Он оседает на меня всей тяжестью, и я не выдерживаю веса, валюсь на пол. Больно бьюсь затылком о каменный пол и вот сейчас, словно впервые, вижу над собой его бледное лицо.

Оно кружится надо мной, грудную клетку сдавливает, и я наконец проваливаюсь в блаженное черное ничто.

Я едва успела затолкать тетрадь обратно в портфель, увидев возвращающуюся с террасы пару. Не похоже, чтобы сеньора намеренно вложила эту тетрадь в материалы для будущей книги, скорее всего, просто забыла о ней – она ведь сказала, что не открывала этот саквояж давным-давно. Интересно, что это? Примадонна на досуге балуется кропанием детективов? А может, там, в тетрадке, воспоминания юности? Тогда тем более не стоит пока афишировать, что я ее нашла. Шантажист из меня, конечно, вряд ли получится, а вот немножко сбить спесь с зазнавшейся богачки, пожалуй, удастся.

Укрывшись за спиной официанта, как раз расставлявшего на столе аппетитно дымящиеся блюда, я сунула тетрадку обратно в потайной карман и невинно улыбнулась подходившим хозяевам вечера. Они мило беседовали между собой. Стефания явно чувствовала себя в своей тарелке, непринужденно смеялась, была приятно возбуждена, сверкала глазами, зубами и серьгами, старая сука. Дробный звонкий смех ее звучал так заманчиво и зовущее, что наверняка сводил окружающих мужчин с ума. Голубчик, однако, выглядел как обычно, спокойным и уверенным в себе, и лишь хищный прищур настороженных, как у голодной куницы, глаз выдавал сдержанное нетерпение и заинтересованность.

– Боже, что это вдруг на тебя нашло? – недоумевала Стефания. – Мы же сто лет знакомы...

– Вот именно, дорогая, и нам не требуется время, чтобы узнать друг друга получше.

– Ты ведь однажды уже делал мне предложение...

– Да, и ты отказалась, потому что была замужем. А теперь ты свободна, да и я давно вдовец. Считаю, что я предлагаю тебе взаимовыгодную сделку. Так сказать, слияние капиталов.

– Но Фабрицио умер совсем недавно...

– Вот я и спешу, пока его место никто не занял. В самом деле, Свет, не могу же я всю жизнь ждать, пока между твоими мужьями образуется промежуток и для меня.

– Ну и циник же ты, Анатолий Маркович! – весело и кокетливо отозвалась она.

Вот оно что, Голубчик, значит, только что предложил вдовствующей королеве руку и сердце. А она, кажется, еще и раздумывает. Да тут, на теплоходе – что там на теплоходе, во всей моей несчастной родине, – любая женщина зубами дралась бы за такое счастье.

На меня они обращали внимания не больше, чем на хрустальный графин с водкой. Стефания откинулась на спинку своего стула с ленивой грацией матерой львицы, отдыхающей в спокойной обстановке, но в любую секунду готовой к прыжку, если ситуация переменится, потерла тонкими пальцами виски, с улыбкой покачала головой:

– Это какое-то безумие. Тебе не кажется, что я давно уже перешагнула через амплу невесты?

– Тебя волнует, не шокируем ли мы европейский бомонд? Не переживай, он видал и более странные браки.

Он склонился над столом, выхватил из вазы цветок и с комически серьезным видом вставил его в петлицу пиджака. Стефания, откинув голову, рассмеялась и произнесла:

– Толя, если хочешь сорвать флэш-рояль, не переигрывай! И, пожалуйста, не дави на меня. Договорились? Я подумаю.

– Только думай не слишком долго. Не забывай, что я уже не так молод, – со смехом отозвался он.

В этот момент на пороге возник верный сынуля с забытой материнской сумочкой. По лицу Голубчика скользнула тень досады, и я, решив, что пора зарабатывать дополнительные очки у начальства, поднялась из-за стола.

– Пойду, пожалуй, перекурю на свежем воздухе. Эд, ты не составишь мне компанию? – спросила я.

– Конечно, – рьяно вызвался он.

И мы, оставив новоявленных жениха и невесту наслаждаться друг другом, вышли на освещенную разноцветными огнями террасу.

– А твоя мать и Голубчик, я вижу, старые знакомые? – поинтересовалась я дорогой.

– Ага, они много лет дружат, – подтвердил он. – Кажется, когда-то он в чем-то очень помог маме. Она много раз упо-

минала, что сильно ему обязана.

На террасе, раскинувшись в плетеных креслах, отдыхали важные и очень богатые пассажиры. Сосредоточенно слюнявил пузатую сигару бывший Ванька-Лепила, нашептывала что-то квадратноплечему спутнику, перегнувшись через столик и демонстрируя обнаженную грудь, покоящуюся в низком декольте, как в роге изобилия, светская тусовщица Анжелика.

– Странно, – продолжала я, – она представляется Стефания, а он называет ее Света.

– Ты заметила? – обернулся он. – Знаешь, она раньше сердилась и каждый раз поправляла его, а потом махнула рукой. Сказала, что это бесполезно. Просто Светлана – ее настоящее имя, Стефанией она стала уже в эмиграции, а Голубчик ведь знал ее еще в СССР...

Мы миновали зону отдыха, вышли на тихую площадку и остановились у самых перил. Луна уже взошла и висела посреди раскинувшегося над рекой неба, обливая белый корабль серебристым светом. С берега доносились запахи влажной хвои, молодой листвы, напоенной дождем земли. И то ли от этого живительного аромата, то ли от неожиданно обрушившейся на нас тишины весенней ночи кружилась голова.

– А хорошо, что я сначала ошиблась и ты оказался всего лишь мажором, – сказала я.

– Почему мажор? Я не понимаю... Это в музыке – мажор,

минор, – привычно растерялся он.

Я расхохоталась, откинув голову и поводя плечами, как это делала Стефания в ресторане. Кажется, подобный трюк производит на мужчин впечатление. Глаза Эда в мигании разноцветных огней, украшавших теплоход, становились то нежно-карими, то пронзительно-зелеными. До чего же он все-таки смазливенький, хорошо, что не содержанка богатенькой мадам.

– Ну да, так и есть. Ты мажор, а я минор.

Он ухватился обеими руками за перила, искоса глядя на меня. Кажется, я всей кожей ощущала его волнение, но на выручку прийти не спешила, стояла рядом, притихшая, чуть касаясь его плеча, смотрела вперед, на серебрящуюся в темной воде лунную дорожку, исподволь наблюдая за ним.

– Так красиво, – выговорил он наконец. – Ночь... Луна...

– Какая ночь! Я не могу... Не спится мне. Такая лунность! – поддразнивая, отозвалась я.

– Стихи? – переспросил он.

– А что ты удивляешься? – с вызовом вздернула подбородок я. – Или думал, я совсем темная?

– Я русскую поэзию не очень хорошо знаю...

– А зря, – заявила я. – Мог бы выпендриться перед дамой в романтической обстановке. А так придется выкручиваться как умеешь. Давай, не стесняйся, начинай про звезды чего-нибудь тереть.

– Звезды тереть? – уставился на меня Эд.

Кажется, пора брать ситуацию в свои руки, иначе этот невинный агнец так и будет хлопать глазами и томно вздыхать. Я выпрямилась, шагнула ближе, быстро взглянула на него снизу вверх и, вскинув руку, провела пальцем по его высокой скуле, будто стирая несуществующую соринку. Сердце отчего-то сбилось с ритма, пропустило удар, а затем подскочило и заколотилось о ребра. Захотелось, чтобы он обнял меня, притянул к себе, захотелось ощутить прикосновение его волос к лицу, вдохнуть их запах.

Руки Эда, по-мальчишески неловкие, непослушные, стиснули мои плечи, и какая-то теплая волна захлестнула тело, лишая воли. И голова закружилась от его запаха – свежего, чуть пряного, смешавшегося с ароматом речного ветра. Я приподнялась на носки, потянувшись к нему, губы его легко дотронулись до виска – кожу обожгло горячим дыханием, спустились ниже и почти коснулись моего рта.

И вдруг он разжал руки, отступил на шаг, глядя куда-то поверх моего плеча. Ничего не понимая, с трудом возвращаясь в реальность, я дернулась назад. В нескольких шагах от нас безмолвно, словно застывшая статуя богини мщения, стояла Стефания.

– Становится прохладно, возвращайтесь в зал, – отчеканила она.

И мы понуро двинулись обратно к освещенному огнями ресторану. У входа она, пропустив Эда вперед, задержала меня и, яростно глядя прямо в глаза, выплюнула в лицо:

– Алена, эти услуги в ваши обязанности не входят. – И окинула этаким презрительным взглядом, как ледяной водой окатила. – Вам за них не доплачивали. Я доходчиво объяснила?

А затем как ни в чем не бывало прошествовала к столику. Злобная, самовлюбленная, эгоистичная тварь! Внутри у меня все кипело и булькало, так и хотелось догнать ее, дернуть за руку, чтобы клацнули ее отбеленные зубы, и рявкнуть: «Ты что себе позволяешь, гадина?» Пусть в глотку себе засунет свои вонючие деньги! Думает, я дешевая шлюха и она меня купила с потрохами? Да просто завидует, старая потасканная карга, завидует тому, что я молодая, красивая, что нравлюсь мужчинам не за бабло и статус, а просто так.

Я несколько раз глубоко вдохнула. Что делать, на чувство собственного достоинства я пока не заработала.

Остаток вечера обстановка за столом была напряженной. Эд угрюмо смотрел в тарелку, изредка бросая на мать выразительные взгляды. Та, подчеркнуто ничего не замечая, увлеченно расправлялась с приготовленным на пару лососем. Я сидела молча, скромно потупившись, чтобы продемонстрировать, что осознала ошибки и впредь обязуюсь. Голубчик безуспешно пытался растормошить нас, рассказывая забавные истории из жизни честных катал. Оратор он был, безусловно, великолепный, повествовал артистично, красиво, вовремя делая паузы и вворачивая точные хлесткие замечания. Однако в этот раз оценить его искусство оказалось

некому, Стефания лишь пару раз сдержанно улыбнулась.

Меж тем подошло время обещанной шоу-программы. На сиявшую ослепительными огнями сцену поднялся конференсье в длиннохвостом фраке и с неприятными бегающими влажными глазами. Он интимно погладил ладонью микрофон, раззявил пасть в приветливой улыбке и заговорил о том, как рад видеть дорогих гостей «Михаила Лермонтова».

– А сейчас перед вами выступит блистательная Натали! – объявил он.

Жующие посетители приветствовали объявленную певицу жидкими аплодисментами. На сцену плавно выступила круглолицая, с ярко напомаженными пухлыми щеками певица в атласном, расшитом пайетками сарафане. Украшенный стразами кокошник венчал ее перевитую увесистыми золотыми косами голову, и я немедленно узнала сердитую тетку-соседку. Музыкальные инструменты тихо зазвенели, и Наталья, поведя полными плечами, запела:

– Однажды морем я плыла на пароходе том. Погода чудная была, но вдруг начался шторм.

Голос артистки, мягкий и грудной, струился по обеденному залу. Она медленно двигалась по сцене, делая плавные жесты руками. Посетители ресторана не особенно внимательно вслушивались в игривые слова песни, лишь, когда Наталья пропела про «все, что с детства берегла, ему я отдала», за одним из ближайших к сцене столов загоготала раз-

веселая компания пузатых мужичков в ярких пиджаках.

– Хорошо поет, правда? – спросил Голубчик, кивнув в сторону сцены. – Я дал администратору указание приглашать артистов только с консерваторским образованием, чтобы не травмировать твой профессиональный слух. Может, это и обошлось немного дороже и на некоторые уступки пришлось пойти – к примеру, эта дама настаивала, что хочет непременно ехать с мужем, пришлось выделить им двухместную каюту, – но зато качество шоу-программы куда выше, чем обычно принято в России.

Стефания, с первыми аккордами песни как-то странно побледневшая, тихо отозвалась:

– Да, неплохой голос, приятный. Классическая школа чувствуется.

Натали между тем спустилась со сцены и двинулась между столиками, продолжая петь и расточать клиентам заведения ослепительные улыбки. Посетители, не отрываясь от тарелок, продолжая жевать, совали ей мятые купюры. Натали принимала деньги с королевским достоинством и ловко прятала куда-то в складки концертного платья.

– Эд, пожалуйста, передай ей чаевые, – Стефания протянула сыну купюру.

Тот, все еще обозленный на мать, неохотно взял деньги и, дождавшись, когда певица поравняется со столиком, протянул ей. Женщина, приняв деньги и мельком посмотрев на сидящих, двинулась дальше по залу, продолжая петь:

– Ай-яй, в глазах туман, кружится голова.

– Так ты, значит, считаешь, не зря я ее пригласил? Ну, скажи как профессионал, – обратился к Стефании Голубчик.

Но Стефания не отвечала. Лицо ее, бледное, с пятнами лихорадочного румянца, вспыхнувшими на скулах, застыло как гипсовая маска. В темных глазах плескалось что-то пугающее. Голубчик встревоженно тронул ее пальцы:

– Что с тобой?

Но Стефания его не слышала. Она, не отрываясь, смотрела в широкую спину удалявшейся певицы.

Когда святое семейство под заботливым конвоем Голубчика отправилось наконец переваривать ресторанные разносолы в свой люкс, я решила засесть в каком-нибудь укромном месте на палубе – возвращаться в провонявший борщом пенал очень уж не хотелось, – как следует изучить найденную тетрадь, а заодно обдумать, чем это так поразила Стефанию моя хабалистая соседка. Поначалу я собиралась ненавязчиво пожаловаться Анатолию Марковичу на невыносимые условия жизни в пенале и попросить перевести меня в другую каюту, но теперь, когда оказалось, что моя соседка имеет какое-то отношение к прошлому Светланы-Стефании, решила обождать и подсобрать полезную информацию, то и дело долетавшую до меня из-за тонкой перегородки между нашими каютами.

Волоча за собой увесистый саквояж, я медленно профлапировала вдоль палубы, отыскивая глазами где бы приземлиться. Навстречу враскачку, как бывалый матрос, двигался Черкасов. Из коротких рукавов его светлой рубашки торчали жилистые руки, покрытые синей росписью. Приземистый, длиннорукий, с маленькой по сравнению с разлетом плеч головой, он всеми повадками напоминал главу стаи орангутангов из передачи «В мире животных». Поравнявшись со мной, Ванька-Лепила, не проронив ни слова, так сказать,

без объявления войны, залихватски приобнял меня за талию. Первым побуждением было вlepить раздухарившемуся уркагану звонкую оплеуху, однако я вовремя поймала за хвост собственное благородное негодование – все-таки отвесить затрещину владельцу нескольких нефтяных вышек чревато. Поэтому я ловко вывернулась из разрисованных клешней воротилы и лишь легонько хлопнула его по руке, заливаясь чарующим смехом.

– Чего ломаешься, коза, – просипел Черкасов, и по его тяжелому сивушному дыханию я поняла, что надежда новорусского бизнеса мертвецки пьян. – Пошли со мной, я тебе тачилу подарю. «Бэху» хочешь?

– М-м-м, заманчивое предложение, – протянула я, изображая, как половчее прошмыгнуть мимо неожиданного кавалера. – Но мне, знаете, «Мерседес» больше нравится.

– Да какой базар-вокзал, – заверил Лепила. – «Мерин» так «мерин». Давай, красивая, дуй ко мне, пообжимаемся!

Он раскинул лапы, готовясь принять меня в обезьяньи объятия, я же ловко просочилась мимо него.

– Ой, вы такой горячий, быстрый, я как-то даже растерялась, – лопотала я, бочком-бочком продвигаясь мимо него к выходу на лестницу. – Я обязательно к вам зайду, но... – Я шагнула на ступеньку и рванула вниз, крикнув через плечо: – Но... в другой раз, ладно? Сегодня никак не выйдет.

Черкасов еще хрипел мне вслед:

– Ишь, длинноногая! Ну погоди, я тебя отловлю!

Но поймать меня с его пьяной ловкостью было уже не под силу. Выскочив на нижнюю палубу, я перевела дух, отыскала наконец плетеное кресло, брошенное кем-то в уголке на пустынной, слабо освещенной корме, и забралась в него с ногами. Ночь плыла над рекой – тревожная, настороженная, наполненная шепотом воды и отдаленными низкими гудками пароходов. Я поежилась от прохладного весеннего ветра и раскрыла клеенчатую тетрадь.

* * *

Конечно, тогда по этим ее отрывочным воспоминаниям детства и юности, почти дневниковым записям, в которых окружающие ее люди часто именовались только «она» или «он», я не поняла всего, не составила полной картины. Многое она сама рассказала мне позже, гораздо позже, когда наши с ней жизни судьба сплела, скатала в клубок, который никому уже не под силу было распутать. И сейчас трудно разделить, что я узнала тогда, а что открылось потом, когда события ее прошлой, неизвестной мне жизни, наполнились в моем сознании цветом и звуком, а люди в них обрели собственные лица и голоса.

Темнота крадется по комнате, пританцовывая, кружась, шелестя юбками. В воздухе пахнет мандаринами, влажной хвоей и горячим уютгом от висящего на стуле рядом с кроватью шелкового платья. Это для завтрашней елки. Из-под двери в коридор пробивается золотая полоска света. Там, в коридоре, – шаги, шорох оберточной бумаги, тихий мелодичный звон. Я знаю, это мама упаковывает подарки. Замотает разноцветной фольгой, завяжет лентой, надпишет и сложит под елкой. Будто бы это Дед Мороз их принес. Только Деда Мороза не бывает, я теперь это знаю, не маленькая! Интересно, что там? Может, кукла? Та, с нежным фарфоровым личиком и с рыжими локонами, что я видела в витрине «Детского мира» на Кузнецком? Я ведь давно ее просила. До завтра еще так долго... А что, если...

Я лежу тихо-тихо, боясь пошевелиться, и жду. Но звуки долго еще не смолкают и свет не гаснет. Вот уже веки становятся тяжелыми, и перед глазами начинают кружиться разноцветные огни. Я тихонько щиплю себя под одеялом.

Наконец все смолкает. Я не двигаюсь еще немного для верности. Потом поднимаюсь, бесшумно спрыгиваю с постели и крадусь в коридор. Босыми

пятками по полу – холодно. В комнате на ковре лунные квадраты от окна, страшная лохматая тень от елки до потолка. За окном тихо падает снег, укрывает легким покрывалом огромный город с высокими каменными зданиями, широкими улицами, полоской скованной льдом реки, мерцающими где-то вдалеке, на другом берегу, рубиново-красными звездами Кремля. Под елкой что-то мерцает и серебрится в темноте.

Я тихонько сажусь на корточки и протягиваю руки. Елочные иглы покалывают пальцы. Я достаю какой-то тяжелый прямоугольный предмет, обернутый серебряной бумагой. Осторожно отгибаю фольгу и вижу шкатулку, поблескивающую гладким лаковым боком в свете луны. Откидываю крышку и...

Кажется, я не вскрикнула? Нет, не вскрикнула, все тихо.

В шкатулке лежат серьги – тяжелые, серебряные, старинные, украшенные темными, почти черными гранатами. А рядом – такое же кольцо. Я, не веря своим глазам, прикасаюсь к украшениям кончиками пальцев. Это же... Это мамыны, я видела их на ней несколько раз. И мама говорила, что они достались ей от бабушки и что когда-нибудь, когда я вырасту, она подарит их мне. Так, значит... Значит, я уже выросла?

Я осторожно беру серьги и подношу к ушам. Они тяжело покачиваются у меня в пальцах. На цыпочках подхожу к зеркалу. В комнате темно,

и я почти ничего не могу рассмотреть. Вижу лишь, как блестят в темноте мои глаза, и точно так же блестят рядом с ними темные камни.

И какой-то странный восторг кружит мне голову, сбивает дыхание, холодит виски. Я вдруг осознаю, что совсем скоро стану красивой и меня будут любить. Непременно будут, я знаю это. И я прижимаю серьги к вискам и кружусь по ковру, кружусь босиком, все быстрее и быстрее.

Гостиная в квартире генерала Полетаева была залита ярким светом. Сияли, переливаясь разными цветами, все хрусталики на укрепленной под лепным потолком многоярусной люстре. Огни сверкали и на пышной, увитой золотой канителью елке. Протянувшиеся по стенам бумажные новогодние гирлянды и курчавые ленты серпантина шелестели и колыхались, когда мимо проносились в хороводе нарядные дети.

Молодая жена заслуженного сталинского «сокола» Елена сидела за пианино и с профессиональным упорством учительницы музыки, почти не глядя на клавиши, без усталости таранила заводные детские песенки. Тонкие белые быстрые пальцы Елены с коротко остриженными ногтями отбивали бешеную чечетку, глаза же, черные и блестящие, устремлены были в центр комнаты, туда, где кружилась в веселом хороводе ее единственная обожаемая дочь Светлана. Нарядное платье девочки, розовое, с воланами на юбке, сбилось на сторону, щеки дочери покраснелись, а волосы выбились из ту-

го заплетенных косичек, к вискам и шее прилипли влажные пряди. Она была весела, она была довольна, а значит, и Елена весела и довольна тоже.

– Светик твой – просто чудо! Очаровательная девчушка, – склонилась к Елене дородная, задрапированная в вишневый бархат Ксения Федоровна, мать маленького Сережи – одноклассника Светланки.

– Спасибо, – смущенно улыбнулась Елена и, бросив взгляд на топтавшегося у елки толстого увальня Сережу, добавила: – У вас тоже прекрасный мальчик.

– Леночка, я хотела спросить, – Ксения Федоровна склонилась ниже и, приблизив вымазанные сиреневой помадой губы к самому уху Елены, заговорщицки прошептала: – А это чей ребенок?

Массивным подбородком она указала на сумрачную молчаливую девочку, которая не участвовала в общем веселье, сидела на корточках у стены и машинально обрывала лепестки с фикуса в пузатой кадке. Девчонка словно услышала, что речь идет о ней, воровато оглянулась, сжала лепестки в кулаке и спрятала руки за спину.

– Это Люши дочка, нашей домработницы, – сбивчиво объяснила Елена. – Люша помогала елку ставить, комнату украшать, и неудобно было бы не пригласить...

– Понимаю, – маслено улыбнулась любопытная гостья. – А все-таки, наверно, не стоило. Ведь она никого здесь не знает, ей скучно.

– Дело не только в этом, – отвела глаза Елена. – Этот ребенок приемный. Люше уже за сорок пять, с семьей не сложилось, она и решила взять малыша из детского дома. Так что девочка просто пока еще не привыкла, но она обязательно освоится.

– Вот оно что, – сощурилась на ребенка, словно рассматривая удивительный музейный экспонат, Ксения Федоровна. – И как это только она решилась? Такой риск, такой риск... Ведь неизвестно, кто ее родители. А что, если жулики, алкоголики? Наследственность – страшное дело.

– Ну что вы, – мягко возразила Елена. – Я думаю, все можно исправить воспитанием.

– Ошибаетесь, милая моя, ох как вы ошибаетесь, – покачала головой всеведущая Ксения Федоровна.

В этот момент бойкая Светлана разорвала круг, выбежала в центр комнаты и, топнув ногой, закричала:

– Хватит хоровод водить, надоело! Мам, давай подарки вручать!

– С удовольствием!

Елена прекратила играть и, извинившись, с облегчением сбежала от непрошенной наставницы к детям. Она взяла с низкого столика большую плетеную корзину, наполненную специально заготовленными маленькими призами: ленточками, целлулоидными пупсами, машинками, конфетами и мандаринами, – и объявила подпрыгивавшим от нетерпения маленьким гостям:

– Но подарки получают не все, а только те из вас, кто громко и с выражением прочитает нам стишок. Или споет песенку.

– Я прочту! Я! – донеслось со всех сторон.

Дети по очереди забирались на маленький деревянный стульчик и старательно декламировали стихи. Даже неповоротливый Сережа вскарабкался на стул и пробормотал скороговоркой стихотворение Некрасова о мужичке с ноготок. А заводила Светлана спела «В лесу родилась елочка», и Елена в очередной раз заслушалась звонким сильным звенящим голосом дочери. Вот уже почти все получили подарки, и только нелюдимая молчаливая девочка в смявшемся платье в синий горох все так же жалась к стене, исподлобья наблюдая за веселой кутерьмой.

– Идем к нам! – ласково позвала ее Елена.

Девочка отрицательно помотала головой и натянула платье на колени. «Боже мой, да она же, наверно, не знает никаких стихов! – ужаснулась Елена. – Что же делать? Как неудобно... Бедный ребенок!» Она беспомощно огляделась по сторонам и вдруг увидела, что к одинокой девочке уже направляется Светлана. Дочь наклонилась, зашептала что-то неприветливой гостье прямо в ухо. Девчушка недоверчиво посмотрела на нее, и вдруг слабая, осторожная улыбка тронула ее тонкие сомкнутые губы. Света уже сжала ее руку в своей ладошке и тянула, тормошила, звала за собой в коридор. «Какая же она у меня чуткая, отзывчивая», – умиленно думала Елена, глядя на убежавших девочек.

В темном гулком коридоре пахло пирогами из кухни и натертым мастикой паркетом. Света выбежала из комнаты, увлекая рослую неповоротливую девчонку за собой, пронеслась мимо двери в папин кабинет и заволокла спутницу в темный закуток перед ванной, где висели на крючках пахнущие нафталином тяжелые пальто. Девчонка испуганно шарахнулась от упавшей сверху ей на голову старой шляпы. А Светка расхохоталась, впервые за день разглядывая незнакому гостью. «Какая некрасивая, – решила она. – Нос широкий и короткий, утиный... И эти огромные щеки. За ними и глаз почти не видно. И волосы такие прямые и сыпучие, как макаронины. Очень уж похожа на обиженного бурундука».

– Как тебя зовут, я не расслышала? – спросила она.

– Тата, – шепотом сказала девчонка.

– Тата... А сколько тебе лет?

– Девять.

– Ого! А мне только семь с половиной. Ты, Тата, стихов наизусть не знаешь, да? Ты не стесняйся, подумай, стихи. Я тебя сейчас научу, никто и не поймет ничего. Хочешь?

– Хочу!

– Ну, повторяй за мной: «Как повяжешь галстук, береги его!»

Послушно повторяя звучные строчки, некрасивая Тата с обожанием смотрела на бойкую девочку в розовом платье. Этот вечер, казавшийся настоящим наказанием, вечер, который она просидела в углу, чувствуя себя чужой, никому не нужной среди этих чистеньких избалованных деток, среди всего этого опасного великолепия, вдруг словно озарился засиявшими только для нее быстрыми лукавыми глазами незнакомой чудесной девочки – хозяйки дома. Она первая заинтересовалась ею, первая обратила на нее внимание, и Тата старалась быть как можно понятливее, запоминать стихотворение как можно быстрее, чтобы только понравиться Свете. «Умная, добрая, смелая, красивая, – думала Тата. – Она хочет со мной дружить. Мы станем подругами! Просто не верится!»

– Ну вот, вроде ничего, – одобрила наконец Света исполненные Татой стихи. – Пойдем, расскажешь, и мама тебе тоже вручит подарок.

Девочки вернулись в комнату, и Тата, прочитав стихи и сорвав жидкие аплодисменты, получила набор цветных карандашей. А Свету мать обняла и горячо расцеловала в обе щеки. Праздник шел своим чередом. Дети, собравшись вокруг пианино, спели несколько песен под веселый аккомпанемент Елены, попили чаю с пирогами, поиграли в фанты. Тата больше не сидела в углу, а тоже участвовала в общих развлечениях. Правда, все еще была скованна, хмуро косилась на других детей и держалась поближе к Светлан-

ке. Той же это пристальное внимание к собственной особе постепенно стало надоедать. За чаем она специально попросила переставить ее чашку на другой конец стола, напротив Таты, а после угощения уселась на диване в обнимку с одноклассницей Марусей и о чем-то шепталась с ней, поминутно заливаясь смехом. Тата исподлобья следила за девочками с другого конца комнаты.

– А давайте в прятки! В прятки! – предложил Сережа.

– Ура! В прятки! – захлопала в ладоши белокурая Маруся.

Сережа отвернулся к стене и принялся считать до ста, в коридоре застучали башмаки – дети с визгом и хохотом разбежались по квартире. Все приглашенные уже не раз бывали в гостях у Полетаевых и быстро находили себе укрытия. Тата же, попавшая в дом впервые, не знала, где можно спрятаться, и прибежала в единственное известное ей место – в закуток напротив ванной, где хозяйская дочка разучивала с ней стихи. Из ниши доносился быстрый шепот и хихиканье, а нырнув за темное драповое пальто, Тата вдруг наткнулась на кого-то в темноте.

– Ты зачем сюда приперлась? Здесь мы с Марусей прячемся! – со злостью прошипел кто-то, и Тата разглядела в темноте быстрые Светины глаза.

Из-за ее плеча выглядывала хорошенькая Маруся.

– А я не знала, – растерянно пробормотала Тата и осторожно спросила: – А можно и я с вами?

– Тут места на троих нет, – заявила Света.

А Маруся добавила противным тонким голоском:

– Чего пристала как банный лист? Дуй отсюда! Не видишь, тут занято.

И она обеими руками вытолкнула Тату из укрытия. По коридору уже шествовал Сережка, он громко окликнул растерявшуюся девочку:

– Эй ты, дылда, я тебя нашел! Чего выставилась посреди прохода? Думаешь, тебя не видно?

– Заткнись, жирдяй! – грубо бросила Тата.

Она локтем больно отпихнула мальчишку и, стараясь отделаться от щипавших в горле злых слез, быстро пошла по коридору в сторону кухни, туда, где грохотала кастрюлями и противнями ее приемная мать, и повторяла про себя: «Я все равно, все равно буду с ней дружить! Она научит меня быть такой же красивой и смелой, как она. И я... я стану такой же! Такой же, как она!»

6

Утро ломилось в каюту, надувая ветром огрызок застиранной занавески над крохотным окном. Снаружи неслись отрывистые корабельные команды, прогудел низкий бархатный гудок. Кажется, теплоход причаливал к пристани, уже слышен был шум города – клаксоны автомобилей, звонкая переключка торговцев на речном вокзале.

Я, наскоро перекусив, торопилась наверх – синьора-хозяйка потребовала явиться к одиннадцати, чтобы получить от нее особо ценные указания по поводу ваяния будущей нетленки. В коридоре встретился сосед – несчастный муж «блистательной Натали», бог весть почему повергнувшей вчера Стефанию в шоковое состояние. Мужчина – кажется, толстуха с косами называла его Женей, – между прочим, был вполне еще ничего себе: высокий, подтянутый, легкий, с тонкими чертами лица, резкими скулами, выразительными глазами, отливающими на солнце зеленью, чуть длинноватыми, осветленными сединой волосами. Этаким постаревший прекрасный принц, по ошибке женившийся на Бабе-яге.

– Доброе утро, – поздоровался он со мной. – К Угличу подъезжаем, сейчас остановка будет. Пойдете в город?

– Вряд ли, – покачала головой я. – Я здесь на работе, не могу надолго отлучаться.

– Жаль, – улыбнулся он. – А я слышал, тут можно на ин-

интересные места посмотреть.

Обменявшись бессмысленным набором добрососедских любезностей, мы разошлись в разные стороны, и я поспешила к месту службы.

Дверь люкса оказалась не заперта, я для начала постучала, но, не дождавшись ответа, решила самовольно проникнуть в обитель избранных. Ничего себе, однако, оформляют тут номера – сплошная фальшивая позолота, темно-красный бархат, розовый мрамор, настенные бра со свисающими хрустальными подвесками. Голубчик вроде бы не производит впечатления любителя этакой сусальной роскоши, должно быть, оформители проявили фантазию. А впрочем, пипл, как говорится, хаваает, значит, все верно.

На маленьком столике стыла едва начатая чашка кофе. На полу, прямо посреди комнаты, валялся, раззявив широкую пасть, дорожный чемодан, поперек него растрепались несколько платьев. А за дверями смежной комнаты, похоже, бушевал скандал.

– Я вообще не хотела сюда ехать! – гневно гремела Стефания. – Если бы не Эд со своим вечным «я хочу побывать на родине, я ее совсем не помню», ноги бы моей здесь не было. Вся эта ностальгическая чушь не для меня, я слишком много денег потратила в свое время на психоаналитиков, чтобы избавиться от совковых воспоминаний.

– Но раз уж ты согласилась, раз все равно приехала, – увещевал Голубчик, – что вдруг на тебя нашло? Почему обяза-

тельно надо именно сейчас все бросить и свалить обратно?

– Неважно. Просто я поняла, что не могу. И не хочу! Мне все здесь противно, даже воздух! Я схожу в этом порту, и точка.

– Это нечестно! Ты не имеешь права! – взвился вдруг невидимый Эд.

Хотел, наверно, проявить характер, но возглас получился надсадный, мальчишеский.

– Что-о?

– Ты не имеешь права решать это одна, ничего не объясняя, – продолжал Эд. – Мне надоело быть привязанным к твоей юбке. Ты мне не даешь устроиться на работу, жить отдельно, хочешь все время держать меня при себе. Мне двадцать лет, я взрослый мужчина, понимаешь? Я все время пляшу под твою дудку, сколько можно? Мне здесь нравится, и я не собираюсь возвращаться.

– Эдвард, милый... – сбавила обороты мадам.

– Я отсюда никуда не двинусь, и точка, – перебил он. – И что ты мне сделаешь? Выкрадешь паспорт и оставишь здесь без денег? Насильно заберешь с собой?

– Дорогой мой, – вкрадчиво произнесла Стефания, – поверь, у меня есть веские причины...

– Какие?

– В самом деле, Свет, – поддержал Голубчик. – Ты как-то слишком уж авторитарно принимаешь решения. Парень действительно уже взрослый и имеет право на свое мнение.

Что касается меня... Хочу напомнить, что мы кое о чем с тобой договорились...

– И что? Ты теперь будешь требовать с меня неустойку? – надменно поинтересовалась она.

– Разумеется, нет. Но нарушать договор, хотя бы и устный, без объяснения причин... Так не делается, тебе это прекрасно известно.

– Господи, если бы ты только знал, к чему ты меня при- нуждаешь! – патетически воскликнула Стефания.

– Так объясни мне, в конце концов, – рассвирепел Голубчик. – Хватит играть втемную, скажи, что за привидение посетило тебя вчера в ресторане.

– Неважно... Я не хочу об этом говорить...

– Ну а я не хочу никуда уезжать, – снова вклинился Эд. – И не поеду! Точка! – повторил он недавние слова матери и, пулей выскочив из комнаты, едва не столкнулся со мной.

– Привет! – резко притормозил он.

– Здравствуй! – Я быстро взглянула на него, поиграла бровями и опустила глаза, будто бы смутившись.

Успела, однако, отметить, что невозможно длинные ресницы его взволнованно затрепетали, а на скулах вспыхнул румянец.

– Вчера я... – начал он.

Я же быстро сжала его руку и показала глазами в сторону приоткрытой двери в спальню Стефании – мол, молчи, ма- тушка услышит. Он сообразил, что я имею в виду, и крик-

нул, обернувшись:

– Тебя тут ждут, между прочим!

Из спальни показалась Стефания – бледная, с рассыпавшейся прической, с темными кругами под запавшими глазами. Она все еще похожа была на сильную, опытную хищницу, но теперь уже выведенную из равновесия, учуявшую опасность. «Что это так ее стукнуло? – подумала я. – Должно быть, они с «блистательной Натали» что-то крепко не поделили в прошлом». Стефания же, мигом взяв себя в руки, спокойно поздоровалась и заявила:

– Вот и отлично. Алена, давайте спустимся в город, пройдемся и все обговорим. Я хочу как можно меньше времени проводить на борту теплохода.

Последняя фраза, вероятно, направлена была в сторону Голубчика, созерцавшего всю сцену с порога спальни с поистине олимпийским спокойствием. Должно быть, за эти сто лет, что они знакомы со Стефанией, он научился стоически переносить выкрутасы ее бурного темперамента.

– Пожалуйста, – с готовностью кивнула я. – С удовольствием прогуляюсь.

Капризной старой сволочи вовсе незачем знать, как я на самом деле к ней отношусь. Пусть считает меня доверенным лицом, союзницей – меньше будет опасаться, что я погублю честь ее обожаемого сынка.

Мы вышли на палубу, светски переговариваясь. Ну просто глянцева сценка – гранд-дама и ее юная компаньонка на палубе белоснежного лайнера во время совершения весеннего речного круиза.

Ясное солнце ударило Стефанию по воспаленным бессонным глазам, и она вновь спряталась за темными очками. «Михаил Лермонтов» уже пришвартовался к причалу. Сквозь утреннюю дымку на берегу в пронзительной, едва распутившейся зелени вырисовывался древний город. Солнечные зайчики играли на золотых маковках церквей, на холме высился старинный кремль – темно-красные с белым стены, синие в звездах купола. У берега покачивались на мелких волнах рыбацкие лодки. Трап был опущен, и услужливый стюард приглашал гостей теплохода сойти и ознакомиться с достопримечательностями славного Углича. Однако желающих нашлось немного – большинство отдыхающих еще не оправилось после вечерних возлияний в «Волжских просторах».

– Ну что, – обернулась она ко мне, – небольшой променад для успокоения чувств?

– Как скажете, – скромно улыбнулась я.

Интересно, она и в самом деле не ощущает в моем верно-подданническом тоне ни грамма издевки?

Как бы там ни было, мы плечом к плечу двинулись вниз по трапу. Прошлись вдоль набережной, побродили вокруг Кремля и в переулках, примыкавших к историческому центру Углича, где чванливая синьора рисковала окончательно испортить дорогую замшевую обувь. Затем она почему-то решила двинуться дальше, и мы углубились в нетуристическую часть города. Черт его знает, зачем мы тут околачивались, может, примадонна решила стать ближе к народу и отведать настоящей, исконной, так сказать, русской жизни. Кто этих богатых стерв разберет?

– Нужно обязательно упомянуть о постановке «Аиды», – наставляла меня Стефания. – О ней много писали, там должно быть достаточно материала.

Я старалась на ходу делать пометки в блокноте.

Старинные красоты вскоре закончились, и потянулся серый, ничем не примечательный район обычного провинциального городка. Мы дефилировали мимо рядов одинаковых бесцветных пятиэтажек, квадратных дворов, огороженных выкрашенными в яркие цвета витыми металлическими оградками. На ветру надувались и хлопали развешанные на перекладине застиранные пододеяльники, в песочнице ковырялись лопатками дети, а рядом трепались о чем-то, лениво позевывая, мамыши. Завидев Стефанию, они на минуту смолкли, проводили удивительную нездешнюю даму озадаченными взглядами и долго шушукались ей вслед.

На площади у магазина с колченогой скамейки поднялся

нам навстречу плюгавый мужичонка с темным изжеванным лицом. От всей его тощей вихлястой фигуры, от драного ватника исходил тяжелый муторно-сладкий запах застарелого перегара. Стефания невольно отшатнулась, поморщившись, я тоже попятилась.

– Мадам! – загнул алкаш, демонстрируя засевшие в прокисшей пасти редкие зубы. – Леди! Помогите грешнику на опохмел.

Мне удалось проскочить мимо. Мужичок же, с завидной проницательностью сообразив, кто из нас двоих является обладателем толстого кошелька, принялся окучивать Стефанию. Она попыталась увернуться от него, пройти мимо, но прыткий мужичонка не отставал, теснил ее к забору и продолжал завывать:

– Синьора, ну не будь падлой, дай на бутылку!

Я с интересом наблюдала за развитием событий. Как наша надутая герцогиня справится с ситуацией? Наверно, отвыкла в своих европах от местного колорита.

Женщина рассеянно глянула куда-то поверх плеча алканавта и вдруг резко и сильно, не изменившись в лице, ударила аборигена коленом в пах, процевдив сквозь зубы:

– Хиляй отседова, вша нарная!

Мужичонка согнулся, заскулил, удивленно моргая вспухшими веками, Стефания же, не убыстря шага, прошла мимо, поравнялась со мной и бросила:

– Нужно все-таки возвращаться на набережную. А то на-

бредом на еще каких-нибудь удивительных представителей местной фауны.

И засмеялась, заглянув в мое оторопевшее лицо. Я все никак не могла прийти в себя. Вот так номера отмачивает холеная светская львица! И какое превосходное знание блатного жаргона! Кажется, прошлое у нее и вправду было бурным, и эта запись, на которую я вчера случайно наткнулась, может оказаться вовсе и не художественным вымыслом. Надо, надо покопаться в черной тетрадке, жаль, вчера я слишком быстро захотела спать и не продвинулась далеко.

* * *

Солнце яростно палило над растянувшейся впереди широкой тускло-голубой лентой реки, словно силилось перебороть порывистый пронизывающий ветер. Мы вышли на набережную. Слева белокаменной громадой высился Воскресенский монастырь. Из-за деревьев вылетела, выставив вперед массивную челюсть, госпожа Баренцева в пунцовом с золотом брючном костюме. Она решительно топала в сторону пристани, возмущенно размахивая миниатюрной сумочкой на длинном ремне. За разгневанной супругой пыхтел багроволицый политик.

– Нина, постой, – задыхаясь, бормотал он. – Погоди, Нина, ты все не так поняла.

– Постыдился бы, кобелятина! – на ходу бросила женщи-

на-бульдог. – Вчера весь вечер в баре с этой проשמандовкой Анжеликой околачивался, сегодня, значит, «полежи, Нинуша, отдохни, а я город посмотрю». А сам девку под локоток и в отель?

– Нинок, она журналистка... – увещевал Баренцев. – Я налаживал контакты с прессой...

– Вот тебе пресса, старый паскудник! – И оскорбленная депутатша изо всех сил шваркнула благоверного по пламенеющим щекам сумочкой.

Баренцев воровато оглянулся по сторонам, покосился на Стефанию и зашипел:

– Что ты делаешь, понимаешь, люди же!

Нина, не обращая на него внимания, маршировала к пристани, и политик, отдуваясь и потирая щеки, последовал за нею. Продолжения семейного скандала мы уже не слышали.

Стефания приблизилась к балюстраде, залюбовалась видом. Я переминалась с ноги на ногу рядом. Честно говоря, мне уже порядком надоели все эти древнерусские красоты хотелось поскорее вернуться на корабль и посмотреть, что там делает строптивый сынок моей начальницы. Но Стефания, как видно, никуда не торопилась, стояла, подставив лицо солнцу, и улыбалась.

– Извините, пожалуйста, вы не подскажете, как мне выйти к Алексеевскому монастырю? – спросил чей-то низкий, чуть глуховатый голос.

Я обернулась, Стефания тоже повела своей царственной головой в сторону вопрошавшего.

Перед нами стоял Евгений, тот мужчина из соседней каюты, с которым мы болтали утром. В руках он сжимал туристический проспект, купленный в газетном киоске.

Стефания скользнула равнодушным взглядом по иллюстрированной брошюлке, подняла глаза к лицу собеседника и вдруг резко отшатнулась. На нее прямо-таки страшно стало смотреть – губы в момент обесцветились, больше того, сделались какими-то голубоватыми, задрожали, побелевшие пальцы изо всех сил вцепились в перила. Представляю, что творилось с ее глазами за темными стеклами очков. Так обычно в ужастиках выглядят героини, заставшие в своей уютной спальне ожившего мертвеца.

– Не говорить по-русски, – едва слышно прошелестела она.

Дядька же так просто не сдавался, все тыкал в свой проспект, повторяя:

– М-м-м... Как же вам объяснить? Вот смотрите, я сейчас покажу. Алексеевский монастырь... – Затем обернулся ко мне: – О, здравствуйте еще раз. Может, вы мне поможете?

Я пожалала плечами, у Стефании же, видимо, все-таки сдали нервы, и она, прошептав: «Но! Но!», оттолкнула брошюру рукой и, кажется, задела его ладонь своим массивным серебряным кольцом. Мужчина невольно взглянул на него и вдруг – ровно как и моя начальница минуту назад – силь-

но побледнел. Солнце, словно опытный театральный осветитель, выпустило из-за рваного белого облака прямой ослепительный луч и высветило каменно застывшую у резного парапета пару. Из сипатого динамика, укрепленного на столбе, захрипев, брызнула какая-то надсадная, рвущая душу мелодия. Они же так и стояли посреди пристани, освещенные солнцем, и смотрели друг на друга во все глаза, совершенно ошалевшие.

И, черт знает почему, мне вспомнился отрывок из прочитанных вчера записей.

Край налитого оранжевым июньским огнем солнца тонул в темной водной глади. Легкий речной трамвайчик летел вперед, взбивая острым носом кудрявую пену. Закатное небо опрокинулось в воду и окрасило ее сиренево-розовыми полосами. Из-за деревьев, подернутых первой весенней зеленью, выглядывал освещенный огнями шпиль Московского университета. Недавно освободившаяся из зимнего плена река весело плескалась в тяжелый гранит набережной. С нижней палубы доносились радостные голоса, смех, крики. В застекленных окнах мелькали разноцветные девичьи платья и черно-белые плечистые мужские силуэты.

Шумная стайка вчерашних школьников, сбежавших с собственного выпускного вечера, полчаса назад атаковала катерок, пришвартовавшийся к пристани у Ленинских гор, влетела с гомоном и песнями, яркая, бесшабашная, словно кочующий цыганский табор.

Вспугнула катающихся по Москве-реке туристов, разорила корабельный буфет, сметя в одно мгновение все запасы мороженого и шампанского, и чем-то досадила темноволосому парню, бог знает почему в одиночестве прохлаждавшемуся на парходике в этот летний вечер. Он был высок, гибок, с тонкими, немного резкими чертами лица – идеальными скулами, греческим носом, четко очерченной линией рта. Он поглядел на нашу лихую компанию несколько недоверчиво и, ссутулив плечи, сбежал от радостного шума и суеты вверх по лесенке на открытую палубу и там застыл у перил, и его силуэт слился с оранжево-бордовым закатом.

Выпускники же продолжали гулять внизу. Какими взрослыми и уверенными чувствовали себя в этот вечер мальчишки, впервые нацепившие галстуки... Как хороши были девчонки в воздушных платьях с летящими юбками – белых, розовых, голубых... И я, кажется, совсем сошла с ума от плескавшейся в груди радости, сорвалась вдруг с места, взметнув сиреневым подолом, простучала каблучками по ступенькам и выбежала на верхнюю палубу. Закружилась, метнулась к перилам и, раскинув руки, вдруг запела вполголоса. И, казалось, весь мир был подвластен мне в этот миг, весь мир прислушивался к моему голосу, который то взлетал в вышину, прямо в подернутое закатной дымкой небо, то опускался, весело прыгая по бежавшим внизу мелким волнам.

И молодой красивый парень, стоявший поодаль,

в тени, тоже, казалось, замер, обескураженный.

– *Non la sospiri la nostra casetta...*¹

Я пела, не видя никого вокруг себя, словно самим небесам, и притихшей водной глади, и горевшему тысячью огней городу, и лету, и счастью. Чувствовала, как легкий ветер скользит по моим опущенным векам, треплет волосы.

Я не заметила, как поднялась вслед за мной она, верная моя подруга, должно быть, встревожившаяся, что меня долго нет, не заметила, как подошла она близко, лишь услышала вдруг зазвучавший совсем рядом ее голос. Она быстро подхватила мелодию и начала подпевать в терцию:

– *Che tutta a scosa nel verde ci a spetta?*

Я оглянулась, протянула руки, подзывая ее к себе. Она обняла меня за плечи, и наши голоса слились воедино: мой – высокий, немного резкий, и ее – низкий, мягкий, грудной.

Солнце, подмигнув в последний раз, ушло под воду. И ветер пронесся вдруг над рекой, смешав темные и светлые волосы, взметнув пьянящие запахи сумерек. И брызги летели в лицо. И вся жизнь лежала впереди – долгая, захватывающая и, конечно же, счастливая, иначе ведь просто и быть не могло.

– *Nido a noi sacro, ignoto almond inter pien d'amore e di mister?*

Секунды бежали, а Светлана и Евгений так и не произнес-

¹ «Наш домик маленький» – ария из оперы «Тоска» Дж. Пуччини.

ли ни слова, все глаз не могли друг от друга отвести. Должно быть, это и есть тот самый призрак, с которым она боялась столкнуться, оставаясь на теплоходе. Неизвестно, что там произошло когда-то между ней, Евгением и Натальей, но ясно, что встреча с ними для нее мучительна.

Однако это свидание Штирлица с женой начинало мне надоедать. Я намеренно громко кашлянула, стараясь привлечь их внимание.

Стефания опомнилась первая и, позабыв обо мне, кинулась бежать в сторону качавшегося на воде теплохода. Евгений бросился за ней. Пробежал несколько метров и остановился, хрипло закашлявшись. Стефания обернулась, замедлила шаг, бросила на него быстрый взгляд из-под очков. Он же, воспользовавшись заминкой, догнал ее.

– Это ты? – хрипло спросил, взглядываясь в ее наполовину скрытое очками лицо.

– Я вас не знать! Не знать! – пыталась вырвать руку она.

– Это ты! Я знаю, это ты! – повторял он, не выпуская ее.

Кажется, пора идти на помощь, а то синьора совсем уже растеряла остатки самообладания. Я ловко вклинилась между ними, ухватила ее под руку и заявила:

– Извините, вы ошиблись. Синьора приехала из Италии, она не говорит по-русски. Я ее личный помощник. Пойдемте, синьора, скоро отплытие.

И, оставив оторопевшего знакомого считать на пристани ворон, мы стремительным аллюром взлетели по трапу.

– Что это нашло на твою маман? – спросила я, затягиваясь длинной тонкой сигаретой и томно выдыхая дым.

По возвращении на борт теплохода Стефания немедленно заперлась в каюте, сообщив, что работа на сегодня отменяется, чем мы с Эдом не преминули воспользоваться, расположившись в маленьком корабельном барчике без опасения, что нас вот-вот накроет бдительная мамаша. Густели сумерки, последние солнечные лучи бликовали в золоченых куполах церквей на берегу. «Михаил Лермонтов» медленно полз дальше к югу.

– Сам не знаю, – развел руками Эд. – Она с самого приезда в Россию какая-то странная.

– Еще бы! – Я фыркнула и тряхнула головой, прекрасно сознавая, что волосы от этого движения красиво рассыпаются по плечам, мерцая красноватыми искрами в лучах заката. – Я вообще не понимаю, чего вас сюда принесло, в это болото.

– Я здесь родился, – пояснил Эд. – Интересно стало посмотреть на Родину.

– К истокам потянуло, да? Это зря, – дернула плечом я. – Радуйся, что ноги унес и живешь теперь как человек. Если б мне представился случай отсюда свалить...

– Просто я не помню почти ничего, я же совсем малень-

кий был. Только окно и снег. Помнишь, я рассказывал вчера. И что есть очень хочется.

– Что ж, твоя мамуля тебя не кормила, что ли? – спросила я.

– А ее тогда не было, – ответил Эд. – Там что-то такое случилось, и она не могла со мной жить. Работала, что ли, где-то далеко... Она не рассказывает, говорит только, что у нее были неприятности... А я не спрашиваю, чтоб не расстраивать. Я отца пытался расспрашивать, но он тоже от темы уходил все время. А теперь его уже нет...

Парень замолчал, повесил голову и печально уставился в крышку полированного стола. Ах, ну просто грустный ангел с картины эпохи Возрождения. Чтобы как-то отвлечь его от тоскливых мыслей, я снова вернулась к теме семейных тайн:

– Ну ты кремень. Я бы с ножом к горлу пристала, а все выспросила. Мало ли, вдруг ты им никакой не сын? Вот у тебя глаза какие? Ага, зеленые, а у Стефании-то черные! Может, она тебя усыновила, а ты на самом деле наследник английского престола, а? Прикинь? Ну, или там не престола, а просто какого-нибудь миллионного состояния...

Печальные глаза прекрасного принца снова вспыхнули смешливыми искрами. Я же продолжала задумчиво:

– Хотя тебе это не так важно, наверно. У тебя и так материальных проблем не наблюдается...

– На самом деле ты ошибаешься, мы не такие уж миллио-

неры, – возразил мой бесхитростный мальчишечка. – Конечно, у отца был автомобильный бизнес, он приносил неплохой доход. И маме, разумеется, за выступления платят очень много. Но в мире есть люди куда богаче нас...

– Да что ты? Знаешь, ты меня просто-таки обнадежил! – с дьявольской серьезностью заявила я.

Не такие уж богатые... Да что ты знаешь, мальчик, о бедности? О единственных, в трех местах зашитых колготках? О банке тушенки, которую растянуть нужно и на обед, и на ужин? О стипендии, которой едва хватает на проезд и сигареты? Эх ты, нищеврод недоделанный!

– Почему обнадежил? – не понял Эд.

– Ну, раз вы не такие уж богатые, может быть, твоя мать не станет так сильно возражать против нас с тобой, – вкрадчиво, вполголоса произнесла я, со значением заглядывая ему в глаза.

Быстро оглянувшись по сторонам и убедившись, что толстый усатый бармен как раз слинял куда-то в подсобку, Эдвард подался вперед, изо всех сил стиснул мое запястье и приник к моим губам. Я прижалась к нему, отвечая на поцелуй, дотронулась полуоткрытыми губами до родинки над уголком рта. Рукой же проникла под футболку, пальцы легко дотронулись до гладкой кожи живота, чувствуя, как все его тело сотрясает крупная дрожь. Он с силой, до боли сжал мои плечи, обжег губами шею. Голова у меня кружилась, в висках гулко билась кровь. Нет, так дальше продолжаться

не может, нужно спровадить куда-нибудь из каюты его мамашу, и тогда...

Вернувшийся бармен загрохотал на стойке бутылками, и Эд, вспыхнув, как тургеневская барышня, выпустил меня и откинулся на спинку своего кресла. Мне слышно было через стол его тяжелое дыхание.

Небо, еще недавно подернутое светящимися лиловыми полосами, погасло и потемнело. Повеяло влажной речной прохладой. С прогулочной палубы уже доносилась музыка.

– Мороженого хочется... – протянула я.

– Я принесу, хочешь? – встрепенулся он.

– А здесь, кажется, не продают, – покосилась на стойку я.

– А я наверх сбегая, там есть, в кафе. Ты подожди, хорошо?

И раньше чем я успела что-то ответить, он уже умчался. Такой милый, чуткий, хорошо воспитанный юноша, прямо-таки сказка. И целуется так сладко... Если бы только он был хозяином собственной жизни и кошелька, а не бесплатным приложением к строгой богатой матроне...

Я немножко помечтала, как изумительно могла бы сложиться моя судьба, будь Эд свободным двадцатипятилетним сиротой, и едва не уронила горячую девичью слезу на короткопалую жилистую руку в синих куполах, невесть откуда свалившуюся на мое плечо.

– Скучаешь, подруга? – прохрипел Черкасов, усаживаясь за мой столик.

– М-м-м... Нет, мне скучать не приходится, я ведь на работе, – быстро нашлась я.

– Хорош мне фигню впаривать, я видел, как ты с каким-то обсоском тут чаевничала, – оскалился Ванька-Лепила. – Что, длинноногая, динамо мне крутить вздумала? И не страшно тебе, а?

– Да что вы, это же сын моей начальницы! – дрогнувшим от искреннего возмущения голосом возвестила я.

– А она тебя к нему эскортом приставила, что ли? – мерзко захихикал старый зек и, протянув руку, потрепал меня по щеке.

Пальцы у него были короткие и словно приплюснутые на концах. Я невольно поморщилась.

– Ну-ну, не дуйся, глазастая. Давай уже, что ли, познакомимся поближе?

Залихватски подмигнув, он просунул шершавую ладонь мне под майку, сжал пальцами грудь. Я издала томный стон и опустила ресницы. Лепила же, еще более распаленный моей покорностью, притиснулся совсем уж вплотную и вляпался губами куда-то мне в шею. Стараясь подавить отвращение, я воровато оглянулась – Эд должен вернуться с минуты на минуту – и вынырнула из-под его руки, стискивавшей мое плечо.

– Ох, что вы делаете со мной! Я совсем голову потеряла. Но поймите же, я на работе, я не могу сейчас. Если меня эта старая кикимора с вами увидит – все, мне конец.

– Да ну? Строгая такая, что ли, сучара? – сочувственно мотнул головой Черкасов, в то же время исследуя своей лапшей изгибы моей фигуры. – А ты бросай ее. Серьезно, увольняйся и переходи ко мне. Я тебя нанимаю!

– Ой, я бы с удовольствием, – стрельнула глазами я. – Но у меня, понимаете, контракт. Я не могу вот так уйти...

– Что ж ты, глазастая, фигню всякую подписываешь, а? – по-отечески пожурил меня он. – В кабалу себя загоняешь...

Я же, хлопая ресницами, завела любимую песню бесприданниц всех времен:

– Ах, ведь я же бедная, неопытная, одинокая девушка. И позаботиться обо мне некому, и подсказать, что да как... – и ненавязчиво проехала ступней по его лодыжке.

– А ты обращайся ко мне. Уж я тебя в обиду не дам, – растаявший от сознания собственной значимости Ванька-Лепила принялся красочно расписывать мне, какие блага этого грешного мира могут обрушиться на мою несчастную голову теперь, после нашей встречи.

Я участливо слушала, не забывая в то же время поглядывать, не показался ли на горизонте мой Ромео. И точно, вскоре он замаячил на другом конце палубы. Я довольно натурально пискнула и сделала испуганные глаза:

– Ой! Иван Михалыч, вон идет сынок моей стервы. Вы уж не губите меня, уходите, пожалуйста, а мы с вами наш разговор потом продолжим.

Черкасов сжалился над бедной подневольной девочкой и,

заручившись моим обещанием в самом ближайшем времени зайти к нему «пообщаться», отчалил восвояси.

Через минуту на освободившееся место плюхнулся Эд, придвинул ко мне вазочку с мороженым и принялся бурлить меня подозрительным взглядом.

– Кто это? – кивнул он в сторону удалявшегося авторитета. – О чем вы тут разговаривали?

– Да так, один ценный поклонник, – со смехом отмахнулась я. – Он еще вчера на меня глаз положил, подкатывал с заманчивыми предложениями. Но ты не бери в голову, я с ним управляюсь.

Эд нахмурился.

– Как это – управляешься? Почему ты не можешь просто сказать ему, что ты моя девушка?

– А я уже твоя девушка? – с интересом подняла брови я.

– А разве нет? – запальчиво отозвался он. – Давай, если хочешь, я с ним поговорю, объясню, что к тебе не стоит приставать.

– Да ты что? Даже не вздумай! Ты знаешь, кто он такой? – воскликнула я. – Это же Черкасов, хозяин Мосстройбанка, неужели по телику ни разу не видел?

– Не видел... Да какая мне разница, кто он такой? Если он пристает к моей девушке...

– А такая разница. У нас директора банков знаешь какие? Уголовники вчерашние. Про этого, например, говорят, что он пятнадцать лет в свое время отсидел. А когда этот

банк захотел к рукам прибрать, кореш его, тогдашний хозяин Мосстроя, чего-то несговорчивый оказался. Ну и нашли его с дыркой в башке в собственном кабинете.

– Ужас какой! – Кажется, моя история впечатлила парня, он даже забыл на минуту, что сгорает от ревности и кипит праведным негодованием. – И кто же убийца? Нашли его?

– А чего его искать-то, убийцу, если через неделю в том же кабинете уже Черкасов заседал?

– Ты хочешь сказать, это он его... как это у вас говорят... заказал? – Эд покосился в ту сторону, куда уковылял мой недавний воздыхатель. – Почему же он не в тюрьме тогда?

– Господи, ну ты прям совсем не от мира сего! – хмыкнула я. – Что у вас там в Италии, институт благородных девиц? Вроде же сицилийская мафия должна быть...

– Я сицилийскую мафию только в кино видел, – улыбнулся Эд.

– Ну хоть в кино, и на том спасибо. Чего ж тогда вопросы такие глупые задаешь? Откупился он от ментов. На лапу дал кому надо. Сечешь? Эх ты, киноман!

Эд нахмурился:

– По-твоему, это смешно? Человека убили, а преступник живет припеваючи, путешествует, Волгой любуется... Милиции до этого дела нет, а все вокруг тоже знают и молчат.

– Ну а что ж мне, плакать, что ли? Такая вот у нас интересная страна, – объяснила я. – Ты же вроде хотел ее как следует узнать? Вот, считай, что я твой личный экскурсовод. Учись

соблюдать правила игры.

– Мне не нравятся такие правила. Они... неправильные, – выпалил Эд, от волнения долго подбирая русские слова.

– Жизнь вообще несправедлива, малыш, – заключила я. – Так что ты уж лучше не лезь к нему со своими объяснениями. Тебя он, может, и не тронет, ты же у нас почетный гость хозяина, а с Голубчиком связываться он не захочет. Только вот ты потом уедешь, а я останусь. А у нас в стране одиноким девушкам непросто живется и с хозяевами банков, особенно если они из уголовников, приходится дружить.

Эд покрутил в пальцах недопитый стакан, хмуро глядя на плещущееся в стеклянные стенки темное вино, и произнес негромко, не поднимая глаз:

– Никуда я не уеду... без тебя...

Нельзя сказать, чтобы я совсем не ожидала подобного поворота. Напротив, я надеялась на что-нибудь подобное, но чтобы так скоро, на второй день знакомства... Я прямо-таки опешила и на мгновение потеряла дар речи, лихорадочно соображая, какую бы выдать реакцию, чтобы не спугнуть пылкого мальчишку. В конце концов не придумала ничего лучше, как придвинуться к нему, потереться лбом о плечо и прошептать:

– Хороший мой...

Эд подался вперед, обхватил ладонями мое лицо. От его темно-каштановых с медным отливом волос пахло холодом, а от рук, тронутых загаром, – солнцем. От этого запаха,

от прикосновений неловких нетерпеливых пальцев в голову гулко ударила кровь. Дыхание сбилось, я почти перестала соображать.

– Вот вы где! – раздался прямо над нами низкий голос Голубчика.

Мы, словно парочка застуканных на месте преступления школьников, отпрянули друг от друга. Однако Анатолия Марковича, похоже, вовсе не волновали наши страстные поцелуи. Его высеченное из мрамора лицо античного героя было, разумеется, как всегда исполнено властного спокойствия, однако в глазах читалась все же некоторая озадаченность. Бармен, завидев подошедшего хозяина, бросился протирать столик и менять пепельницу. Голубчик же, отослав его прочь небрежным жестом, приземлился напротив и спросил меня, внимательно глядя прямо в глаза:

– Алена, сегодня, когда вы со Све... Стефанией гуляли по городу, ничего не произошло?

– М-м-м... Что вы имеете в виду? – на всякий случай уточнила я.

– Не знаю... Может быть, что-то ее расстроило, напугало, – предположил он. – Что-то не нравится мне ее состояние...

– Она ведь еще утром начала хандрить, – напомнил Эд. – Может, отвыкла от этого климата?

– Мда, наверно, эта поездка была не слишком хорошей идеей, – сдвинул могучие брови Голубчик.

Э, нет, друзья мои, встрепелулась я. Только не вздумайте раньше времени отчалить по домам, дабы уберечь хрупкую нервную систему примадонны от лишних потрясений. В мои планы это совсем не входит.

– Так как же, Алена? Вы ничего не заметили? – снова уставился на меня Голубчик с видом государственного прокурора.

И я уверенно тряхнула головой:

– Нет, ничего такого я не заметила. По-моему, она просто немного устала. Да и солнце было очень яркое, наверно, у нее голова разболелась.

Ни слова о произошедшей днем «встрече на Эльбе». По крайней мере, пока сама не разберусь, что за отношения связывают итальянскую напыщенную синьору и российского зашуганного неудачника, и не соображу, как лучше использовать такую ценную информацию. Ответ же на этот животрепещущий вопрос следовало поискать в черной клеенчатой тетради.

8

Я избегаю по крутой деревянной лестнице. Ступеньки стонут и кряхтят под ногами. Я знаю, что он догонит меня, но все равно на всякий случай перевешиваюсь через перила и кричу вниз:

– Не поймаешь!

Проскакиваю площадку второго этажа и несусь выше, на чердак. Влетаю в низкую комнатушку под крышей с покатым дощатым потолком. Старая скрипучая дверь захлопывается за мной. Я стою посреди комнаты, жадно вдыхая пряный запах слежавшейся соломы, сердце подпрыгивает от быстрого бега. За маленьким низким оконцем шуршат капли дождя.

Дверь снова хлопает. Я слышу его прерывистое дыхание, стою все так же, не оборачиваясь, не сводя глаз со стекающей по ветвистой трещине на стекле капле воды. Он приближается бесшумно, как опытный хищник, и я вздрагиваю, почувствовав прикосновение его губ к шее. Руки его стаскивают с меня через голову колючий свитер, я подчиняюсь его движениям, как тряпичная кукла. У меня нет больше своей воли, я хочу делать лишь то, что велит мне он.

Он целует между лопаток. Лицо влажное от дождя, ресницы трепещут на моей коже. Потом разворачивает меня к себе, приникает к губам, и в

жизноте у меня вспыхивает пламя. Мне кажется, что от наших прижатых друг к другу тел сейчас посыплются искры и загорится солома на полу. Пальцы мои, выпачканные в золе, оставляют темные следы на его коже, будто нас и в самом деле опалило огнем, и у губ его горьковатый дымный привкус.

Колени мои дрожат, и он осторожно опускает меня прямо на пол. Сухие травинки щекочут спину. На секунду мне становится холодно, но вот он прижимается ко мне, снова обжигая. Я больше не знаю, где я и где он. Я чувствую, как исчезает, испаряется моя душа, и словно со стороны слышу собственный хриплый крик.

Потом мы лежим, сраженные, остывающие, медленно возвращающиеся в себя. Дождь кончился, и в окно бьет солнечный луч, дробясь в мокром стекле на тысячи радужных осколков. Я закидываю руки за голову и потягиваюсь, учась снова, клетка за клеткой, ощущать собственное тело.

– Стой! – вдруг говорит он. – Не двигайся!

И я застываю на полу. Он торопливыми судорожными движениями нашаривает джинсы, достает из кармана огрызок карандаша, отдирает от покрывающих стены выцветших обоев неровный кусок и принимается рисовать, изредка быстро поглядывая на меня из-под упавших на лоб спутанных влажных волос. В серьезных прищуренных глазах его солнце зажигает изумрудные искры, сильные умелые пальцы скользят по бумаге. Я смотрю на него из-под

полуопущенных ресниц. Я еще не знаю, что когда-нибудь буду исступленно ненавидеть это прекрасное точеное лицо греческого бога и больше всего на свете захочу уничтожить его, стереть навсегда из своей памяти.

– Светка, давай еще разок для верности! – попросила Тата и опустила руки на клавиши пианино.

– Нет! Не могу больше. Надоело!

Семнадцатилетняя Света повалилась в кресло, закинула ноги на подлокотник и принялась смотреть в потолок. Тата неодобрительно покачала головой. В их отношениях давно уже выработались неизменные роли: Тата – серьезная рассудительная наставница, Светлана – очаровательная взбалмошная сумасбродка. За многолетнюю дружбу эти роли так закрепились за ними, что сейчас стало уже непонятно, так ли уж нужна постоянная опека легкомысленной Свете и действительно ли Тата такая обязательная и ответственная, или девушки просто продолжают по инерции двигаться в заданном раз и навсегда направлении.

Теперь, когда Светлане в самое ближайшее время предстояли вступительные экзамены на вокальное отделение консерватории, Тату приставили к ней заботливые родители в качестве стража-репетитора. В ее задачи входило следить, чтобы абитуриентка не удрала гулять и не слонялась целыми днями без дела, а занималась и занималась. Ирония ситуации заключалась в том, что Светка, бессменная участница всех школьных концертов, лауреатка многочисленных

детских конкурсов, ни капли не боялась предстоящих экзаменов и готовиться не желала. В совместных занятиях была скорее заинтересована Тата, собиравшаяся попытаться счастья в консерватории уже в третий раз. Бог весть отчего она, обладавшая не слишком сильным, хотя чистым и приятным голосом, решила тоже идти на вокал. Должно быть, вслед за Светкой, которая с самого детства иной карьеры для себя и не мыслила, заразив этой мечтой и неизменную строгую подругу-дуэньку.

* * *

– Удивляюсь я тебе, – вздохнула Тата. – Вступительные экзамены в консерваторию через три недели, а ты...

– Да брось ты напрягаться. Поступим мы! А если ты опять провалишься, так папа поговорит с этим старым хрычом, который там главный в комиссии.

– Ну, не знаю, – возразила Тата. – Хорошо бы, конечно. Ну, ты все-таки помоги мне, давай вместе, у меня с тобой лучше получается.

Она по-дирижерски плавно взмахнула руками. Светка быстро выпрямилась в кресле и стрельнула хитрыми глазами на подругу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.